
МАРИЯ ВОРОНОВА

~~~~~ роман ~~~~~

ПРОПУЩЕННЫЙ ВЫЗОВ

Книги Марии Вороновой для тех, кто не ждет от жизни чудес, а знает, что счастье в семье дается ежедневной заботой, любовью, верностью и преданностью.

А. МАРИНИНА

Мария Владимировна Воронова

Пропущенный вызов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23230051

Пропущенный вызов : роман / Мария Воронова: Издательство «Э»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-699-94949-6

Аннотация

В жизнь Лизы Федоровой пришло счастье. На ее любовь ответили взаимностью – и казалось, что теперь их с доктором Русланом Волчеткиным ждет только радость. Но черная полоса не заставила себя долго ждать – Руслан вдруг попросил оставить его в покое и перестал отвечать на звонки. Скромная девушка поняла, что взяла слишком высокую планку, такой роскошный мужчина не для нее, а потому с головой ушла в расследование странных убийств, совершенных сумасшедшими. Когда потребовалась помощь специалиста, Лизе пришлось обратиться к брату Руслана, психиатру Максусу. Помимо консультации, Макс сообщил, что ее любимый находится на пороге жизни и смерти. Так вот почему он перестал общаться! Какие же они странные, эти мужчины...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

101

Мария Владимировна Воронова

Пропущенный вызов

*Не оставаясь глухим к добру, я тонко чувствую
зло и могу в то же время вполне ужиться с ним
– если только мне дозволено будет, – поскольку
ведь надо жить в дружбе со всеми теми, с кем
приходится делить кров.*

Г. Мелвилл, «Моби Дик»

© Воронова М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Вечерами, когда я закрываю глаза и готовлюсь заснуть, в голове вдруг вспыхивают быстрые и яркие, как искры угасающего костра, воспоминания.

Откуда они всплывают? Может быть, гибнет клетка мозга, хранящая миг моей жизни, и напоследок дарит его мне, чтобы я снова пережил его на границе сна и яви, навсегда превратив в воспоминание о воспоминании?

То вдруг с необычайной ясностью представляю, как первый раз в жизни ходил сам за хлебом: серый пыльный асфальт,

куст анемичной городской сирени, зажатая в руке мелочь и зеленая курточка, которой я очень гордился, то возникнет перед глазами лесная поляна, дети в пионерских галстуках и наш военрук Арон Вениаминович (Макарон Витаминovich соответственно) – огромные лиловые глаза среди морщин. В то лето я получил основательные навыки саперного дела и ясное понимание того, что сапер ошибается один раз в жизни.

И я ошибся.

Искры гаснут, и я начинаю думать, сколько предметов, казалось бы вечных и необходимых, навсегда ушло из нашей жизни. Молочные бутылки с разноцветными крышечками из фольги (серебристые для молока, зеленые для кефира, желтые для ряженки, кажется), большие двузубые вилки, привязанные в булочных к деревянным стеллажам с хлебом и батонами, сопровождаемые объявлением: «Хлеб руками не трогать, только вилкой».

Что еще? Кассы в автобусах, портативный кассетный магнитофон отечественного производства, страшный, с вечно западающими клавишами и тугой крышкой, всем своим видом говорящий: «Если уж вы хотите слушать музыку, нате, подавитесь, но учтите, мы не будем стараться, чтобы удовлетворить ваши низменные потребности». Парадные бархатные знамена с золотыми кистями и повседневный алый ситчик с лозунгами: «Планы партии – планы народа», «СССР – оплот мира», и завершающим штрихом – белые гипсовые

бюсты вождей.

Только перебирая в памяти исчезнувшее и думая, что исчезло все это довольно давно, я понимаю, что сам уже не молод. Когда живешь без надежды, время сливается в унылый серый ком, и не чувствуешь, сколько его прошло – три дня или двадцать лет.

Странная ирония судьбы... Вязкое серое время прошло мимо и будто не тронуло меня. Телом я так же крепок, как двадцать лет назад, но ничего не хочу и никуда не стремлюсь, в то время как другой человек, может быть, полон разных планов и идей и не может их воплотить в жизнь из-за физической немощи.

Бог дает одному – одно, другому – другое, поэтому людям приходится быть стадными животными, чтобы преуспеть.

А я отбилсЯ от стаи и бегаю один.

Надежды у меня нет, но есть Надежда, Надя. Она навещает меня раз или два в неделю и входит в дом, опасливо озираясь. Иногда я предлагаю ей куда-нибудь прогуляться и немножко забавляюсь, наблюдая, как желание борется со страхом. Страх побеждает.

Зачем я ей? Наверное, я единственный обломок, оставшийся после кораблекрушения ее юношеских надежд и мечтаний...

Войдя, она сразу начинает суетиться и хвататься за все подряд, готовить мне обед на несколько дней вперед. Поря-

док у себя я навожу сам.

Надя – нытик. Моя овощи, рассказывает, что дети отбились от рук, муж лентяй, Вася совсем тяжелый, и «хата уплывет», она ничего не может сделать, всю голову сломала, но решения никак не придумает, а денег на хорошего адвоката нет. «Разве это справедливо?» – спрашивает Надя страстно, а я ухмыляюсь в ответ, пользуясь тем, что она на меня не смотрит. Можно было бы возразить, что она получила за свои труды прекрасную дачу, или, как вариант, что справедливости вообще не существует, но я предпочитаю молчать, не провоцировать бедняжку на новый виток жалобных излияний.

Обреченно смотрю на ее тощую фигурку и думаю, что она и сутулится так, словно каждую секунду ждет от судьбы хорошего тычка, на смазливое, но кислое личико и, подойдя сзади, обнимаю ее.

Не потому, что страсть внезапно охватывает меня, просто если дело должно быть сделано, нечего с ним тянуть.

Вернувшись от начальника, Лиза сразу схватила телефон. Ни одного пропущенного звонка! На сердце стало так тяжело, что она чуть не заплакала.

Уже три дня Руслан не дает о себе знать. Ни звонка, ни СМС, ни сообщения «ВКонтакте», на худой конец!

Лиза села за стол и, обхватив голову руками и зажмурясь, стала вспоминать их последнюю встречу, стараясь не подда-

ваться эмоциям, а на холодную голову понять, что она могла сказать и сделать, из-за чего возлюбленный теперь не хочет с ней общаться.

Одно Лиза могла сказать точно: она не навязывалась Руслану, наоборот, всячески подчеркивала, что он ничем ей не обязан, и после того, как вывела из под удара его брата Макса, она не ждет ничего, даже приятельские отношения ей не нужны.

Но Руслан дал совершенно ясно понять, что она нравится ему, и пригласил на свидание. Им сразу стало как-то очень хорошо и спокойно вместе. Может быть, не было страсти, того единства, чувства «двух половинок одного целого», как с Гришей, но Лиза все равно чувствовала себя счастливой, и ей казалось, что Руслан тоже счастлив. Видимо, она забыла золотое правило не судить о людях по себе.

Собственный опыт «отношений» был у Лизы очень скудным. Любовь Гриши, трагически окончившаяся его смертью, потом блеклая скучная связь с женатым человеком, вот и все. Но общаясь с подругами, находящимися «в поисках счастья», Лиза представляла, что их чувства в процессе романа больше всего похожи на ощущения рыбака, удящего особо хитрую, умную и сильную рыбу, и, собственно, состояние женской души в этот период жизни лучше всего передает не сентиментальная литература, а повесть Хемингуэя «Старик и море».

А Лиза, вместо того чтобы полностью сосредоточиться,

позволила себе быть самой собой, за что, наверное, и поплатилась!

Взрослая женщина, почему она подумала, что нравится Руслану такая, как есть, что ему с ней интересно, весело и хорошо? Почему решила, что он, красивый мужчина, не обратил внимания на ее лишние килограммы и, ощущая под рукой далеко не самую упругую попу, подумал: «Зато человек хороший»?

Оба они жили с родителями, поэтому с тем, чтобы быть вместе, возникли трудности чисто организационного плана, и две недели пришлось посвятить детским поцелуям в укромных уголках Таврического сада. Руслан отпускал ее, как шальной, говорил, что она возвращает его в юношескую пору дикого любовного томления, и они снова начинали целоваться, остро чувствуя, что жизнь это не молодость и старость, а всего лишь то, что происходит прямо сейчас.

Потом Руслан снял домик возле залива, и они провели там прекрасные выходные в нежных красках наступающего питерского лета.

Лиза сидела на берегу, смотрела на розовое закатное солнце на небе такой эмалевой голубизны, что оно казалось ненастоящим, на тихую воду, такую же голубую, как небо, вдыхала запах белой сирени и думала, что эта красота должна быть мимолетной, и то, что у них только что было с Русланом, наверное, такое же сказочное, как этот вечер. Она подумала тогда, что нужно просто сохранить все это в памяти

и не ждать ничего больше, но Руслан вышел к ней с кружкой кофе, сел рядом, так что скрипнула старая скамейка, и обнял ее, словно они уже много лет вместе.

Очень буднично он сказал, что в следующее воскресенье дежурит, поэтому придется остаться в городе, а потом можно будет сгонять на дачу, если Лизу не пугает скучный деревенский быт.

И Лиза позволила себе поверить в общее будущее, в дачу, во что-то еще...

Почему она решила, что в тот вечер счастливы были они оба?

Но зачем тогда Руслан просил ее прийти к нему на дежурство? «Принеси чего-нибудь, а то всем жены носят, а я как бирюк какой-то», – засмеялся он, и Лиза подхватила печь свои фирменные печенюшки и накрутила голубцов, про которые знала: раз попробовав, любой человек душу продаст, чтобы снова ощутить их восхитительный вкус.

Он познакомил ее с коллегами, которых Лиза от страха и смущения не запомнила ни в лицо, ни по имени, только приятную женщину средних лет, попа которой, как с удовольствием отметила Лиза, оказалась значительно обширнее, чем ее собственная.

Но в любом случае, Лиза только представлялась и улыбалась, и не сделала ничего, за что на нее можно было бы обидеться.

Может быть, его испугали голубцы? Но Руслан сам просил еды, и Лиза специально принесла столько, чтобы это не выглядело как презентация ее кулинарного мастерства.

Вероятно, все гораздо проще, и не нужно анализировать ни собственные промахи, ни чувства Руслана. Она слишком толстая и некрасивая для такого мужчины, вот и все. Молодые интересные профессора увлекаются юными стройными девами с сияющими лицами и упругими телами без малейших следов целлюлита, и мимолетный интерес пополам с благодарностью не заставил Руслана спуститься на тот уровень, где обитают одинокие толстухи с серыми от разочарований душами.

Вот и все.

Лиза знала, что теперь принцип не звонить парню первой не является таким же незыблемым, как в былые времена, но она всосала его с молоком матери и не могла переступить.

Хотел бы – позвонил! – противопоставить этому аргументу было нечего, и, подержав телефон в руках, Лиза вдруг отбросила его, словно он внезапно нагрелся.

Она потянула к себе какое-то дело и стала листать, не понимая ни слова, как вдруг дверь кабинета приоткрылась и показалась голова Зиганшина, начальника криминальной полиции. «Зайди ко мне», – бросил он и сразу исчез.

Лиза встала, одернула мундир и послушно отправилась в кабинет Мстислава Юрьевича, думая о том, что совсем не

обязана это делать, ибо начкрим не является ее непосредственным руководителем. Но она с большим пиететом относилась к любому начальству. Странно, Лиза никогда не выслуживалась, не лебезила и не угодничала, но демонстрировала чудеса исполнительности. «Его назначили, а меня не назначили, значит, он лучше и умнее меня», – думала она и робела не только перед Зиганшиным, которого боялись все, даже начальник отдела, но перед абсолютно любой шишкой.

Начкрим занимал просторный кабинет, оборудованный не только для работы, но и для совещаний, но поскольку целыми днями пропадал в городе, обделывая важные дела и сомнительные делишки, кабинет имел неуютный, необжитой вид, и личность владельца никак в нем не отразилась.

– Садись, – Зиганшин указал ей место за приставным столом, а сам принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

Лиза покосилась на него. Высокий, крепко сбитый мужик лет тридцати с небольшим. Наверное, ее ровесник, может, чуть постарше. Лицо обветренное, но, если присмотреться, можно понять, что оно классически красивое, как на статуях римских императоров, которые она видела в Москве, в Пушкинском музее. И глаза такие же холодные и пустые, как у тех статуй.

– Лиза, я смотрю, ты по-человечески не понимаешь, – сказал Зиганшин с мягкостью в голосе, и Лиза подобралась, зная, чем потом оборачивается такое доброе начало.

– Раз по-человечески не понимаешь, – повторил Зиганшин, расхаживая у нее за спиной, – попробую объяснить тебе по-хорошему. Какого черта ты возбуждаешь дела, когда мои ребята отказали?

Лиза вздохнула. В обычном своем состоянии она стала бы оправдываться, объясняться, но теперь вдруг поняла, что, раз Руслана больше не будет в ее жизни, бояться не нужно никого и ничего, а тем более подлых и нечистых на руку ментов.

– Позвольте вам напомнить, Мстислав Юрьевич, что следователь – лицо процессуально самостоятельное. Если вижу состав – возбуждаю, нет – нет. А мысли ваших оперов для меня не аргумент.

– Вот как? – спросил Зиганшин так же мягко и сел напротив нее. Сложив перед собой руки в замок, он, глядя ей в глаза, выдержал поистине мхатовскую паузу, но Лиза в своей жизни провела слишком много допросов, чтобы ее можно было поймать на такие дешевые приемчики.

– У вас ко мне все?

– Нет, уважаемая Елизавета Алексеевна. Я хочу вас убедить в своей правоте. Есть в моем распоряжении рычаги, чтобы заставить вас делать так, как нужно, но я все же надеюсь, что вы согласитесь со мной и будете действовать не по принуждению, а из убеждений.

– Смахивает на вербовку, не находите?

Никто никогда не видел улыбки Зиганшина, но сейчас Ли-

за могла бы поклясться – что-то похожее на нее скользнуло по его губам.

– Послушай, Лиза, ты давно работаешь, а все как первый день! Ты где живешь-то вообще? В хрустальном замке в стране фей? Будто не знаешь нашего гражданина.

– При чем тут?

Небрежным взмахом руки Зиганшин заставил ее молчать:

– Наш гражданин, Лиза, это такой человек, который ни за что, ни при каких обстоятельствах не вкрутит лампочку в подъезде, потому что не может допустить, чтобы соседи наслаждались светом за его кровные, а домоуправление жирело, экономя казенные лампочки от его щедрот. Он лучше будет передвигаться в крошечной тьме, зато, когда его мамаша, не видя дороги, сломает ногу, а его самого ограбят в темном парадняке, он сразу вспоминает, что есть службы, которые ему должны и обязаны. Тут же «Скорая» вызывается, которая должна мамаше не только ногу вправить, но еще сама ее на носилках тащить, ибо они же врачи! Представители самой гуманной профессии! А менты обязаны немедленно, рискуя жизнью, вора задержать и вернуть пропавшее добро, они же на страже закона, епть! Призвание у них такое – жизнью рисковать ради всякого мурла! Таким образом, делегировав милосердие медикам, а отвагу – ментам, он чувствует себя совершенным существом, ибо он на нас налоги платит! И бесполезно спрашивать, какие такие налоги он на нас платит, если двадцать лет нигде не работает. Платит, и все!

Лиза поморщилась. В том, что говорил Зиганшин, правды было больше, чем ей хотелось бы признать, странно только, что он избрал своим конфиденнтом именно следователя Федорову. Отношения у них всегда были натянутые, чтобы не сказать плохие.

– Я тут недавно одеяла стирал, – продолжал начкрим, и Лиза удивилась такой резкой смене темы, – поехал в автоматическую прачечную, думал, там все, как в американских фильмах. Заходишь, и стирай себе. Но нет, меня встретила администраторша. Я говорю – как так, вроде все автоматизировано. А потом подумал, у нас иначе-то нельзя. Представь, приходит гражданин в прачечную, там никого нет. Первое, что он сделает, это попытается так изнасиловать машинку, чтобы она постирала без денег, а в идеале еще вернула ему то, что оставили прежние лохи. Если это не выйдет, он запихнет двойную порцию в барабан, чтобы заплатить только за одну стирку. Украдет моющие средства, надо оно ему, не надо, а просто на всякий случай. Ну и напоследок засунет в барабан килограмм гвоздей, чтобы владельцы знали, как с людей деньги драть за такое пустяшное дело, как стирка. Так что без администратора реально никак.

– К чему это вы? Прачечную хотите открыть на склоне лет? – не удержалась Лиза.

– К тому, что люди у нас такие. В том, чтобы самим где разжиться, они ничего плохого не видят, но стоит у них кому-то что-то стянуть, сразу вопли: караул, спасите мое доб-

ро! А какого черта? Есть хорошая очень пословица: держи свой дом на замке и не говори, что сосед вор.

Лиза поймала себя на том, что сидит, как школьница, потупив глаза и сложив руки на коленях, и покорно слушает эти человеконенавистнические бредни. Оно конечно, работа следователем несколько подрывает веру в то, что человек – венец творения, но есть преступники, а есть добропорядочные люди, которые нуждаются в помощи и защите.

И очень странно, что немногословный Зиганшин тратит на нее свое время и красноречие. Она процессуально самостоятельное лицо и не станет поддаваться его влиянию. Пусть командует своими операми!

– Возьмем твой последний косяк, – начкрим по-бабьи подпер челюсть кулачком, и в его каменных глазах вдруг промелькнуло что-то похожее на сострадание к бестолковой следовательнице, – явно ж человек потерял не последние деньги. Два миллиона просрал влегкую, кто из нас может себе такое позволить? Ты подумала, откуда у него состояние? Как досталось? Явно ж не от кристальной честности деньги заводятся у людей, и не думаю я что-то, будто он носился по милициям, когда их наживал, и просил наказать самого себя. Обобрал если не нас, так наших родителей, а теперь, когда от богатства ум притупился, и по собственной глупости малую толику из рук упустил, сразу к нам бежит, спасите-помогите! Ибо тоже он на нас налоги платит! Но забывает при этом, что бабки все в офшорах, и платит он от хрена уши. Процент

десять от тех налогов, которые должен бы платить.

«Можно подумать, ты о своих взятках декларацию подаешь», – подумала Лиза, а вслух сказала:

– Это демагогия, Мстислав Юрьевич. Если у вас есть данные о противоправных действиях заявителя, сообщите мне, и я буду реагировать соответственно. Если же нет, то позвольте напомнить, что каждый человек у нас считается невиновным, пока не доказано обратное, и вправе пользоваться всеми правами, которые предоставляет ему государство.

– Не получается у нас разговор, Елизавета Алексеевна. Учтите, я с вами по-хорошему говорю первый и последний раз. Больше не стану.

Лиза поднялась и, пробормотав дежурное: «Спасибо, что уделили мне время», – пошла на выход, но, уже взявшись за ручку двери, неожиданно для самой себя притормозила:

– Мстислав Юрьевич, а вы не думаете, что я сама взятки беру за то, что ваши отказные материалы возбуждаю?

Зиганшин фыркнул:

– Или я не опер и не вижу, что у меня под носом творится? Ты не взяточница, Лиза, ты просто дура. Трусливая толстожопая дура.

Вернувшись в кабинет, Лиза сначала сделала кофе с шоколадкой, неторопливо выпила полчашки и только потом разрешила себе посмотреть в телефон. Ни одного пропущенного! На всякий случай она проверила сообщения, и сердце

налилось тупой свинцовой тяжестью, когда Лиза убедилась, что список пуст.

Зачем только человечество придумало мобильные телефоны, теперь нельзя даже утешиться мыслью, что ему «неоткуда позвонить». Хотя недавно ей пришлось наблюдать, как сломавшееся зарядное устройство вызвало череду трагических событий. Вдруг с Русланом что-то случилось, а она тут играет в гордую деву?

Немного стесняясь своей наглости, Лиза открыла «ВКонтакте» и посмотрела друзей онлайн. Руслан среди них присутствовал. Значит, все в порядке у него. «Мог бы написать, мол, любимая, не волнуйся, но почему-то не счел нужным это делать. И я даже знаю почему», – вздохнула Лиза.

При мысли, что Руслан не хочет продолжать отношений, ее захлестнула такая тоска, такая боль и безнадежность, что разговор с Зиганшиным совершенно забылся.

До конца рабочего дня она тупо просидела за столом, думая, что опять надо привыкать быть несчастной и одинокой, и судьба снова дала ей заглянуть в счастливую жизнь, только чтобы злорадно захлопнуть дверь прямо перед носом. Смотри, Лизочка, вот так все могло бы быть, но не будет. Это для других женщин, а тебе остается работа и одиночество.

«И ведь я уже привыкла! – шептала Лиза, изо всех сил стараясь не расплакаться. – Уже смирилась, так зачем же надо было давать мне этот глоток счастья?»

Лишь по дороге домой она подумала, что сегодня произо-

шло еще что-то плохое, не связанное с молчанием Руслана, и через некоторое время вспомнила про Зиганшина.

Она не ответила на «трусливую толстожопую дуру», только смирила начкрима презрительным взглядом, но вряд ли это произвело хоть малейшее впечатление.

И почему только у нее так развита шишка чинопочитания? Когда она пришла в отдел, Зиганшин уже состоял старшим опером, Лиза смотрела на него снизу вверх восторженными глазами и как губка впитывала всю премудрость, которой он считал нужным с ней делиться. Поэтому теперь он позволяет себе так разговаривать, хоть следователь Федорова и не является его непосредственной подчиненной.

В общем, из всех эпитетов Лизу обидело только слово «толстожопая». Это не просто констатация особенностей ее фигуры, но комплексное определение, обозначающее ленивую, безвольную, косную бабу без всяких перспектив личной жизни.

Такая она и есть, и не возразишь ничего по существу...

Но не трусливая, иначе давно перестала бы возбуждать дела по заявлениям, которые опера оформляли как отказной материал. Зиганшин развел силовое предпринимательство во всей полноте, и Лизин «демпинг» подрывал его бизнес.

Она не боролась с коррупцией, боже сохрани, и специально не перебивала клиентов у начкрима, но если заявитель в поисках справедливости случайно попадал к ней, и просматривался состав преступления, Лиза возбуждала дело.

А Зиганшину надо добиться такого положения вещей, чтобы граждане не видели даже призрачной возможности удовлетворения своих заявлений без соответствующего гонора.

Что начкрим будет делать дальше?

Человек так устроен, что не любит людей, не разделяющих его мировоззрение. Сегодня Зиганшин попытался обратить ее в свою веру, убедить в том, что люди – это тупое стадо, а в полиции служат герои и боги, которые совершают подвиги во имя человечества только после молитв и богатых жертвоприношений.

Наверное, будь на месте Лизы Фридрих Ницше, он бы быстро нашел с Зиганшиным общий язык, но сама она придерживается другой философской школы.

Вступая в должность, ты принимаешь на себя определенные обязанности, которые надо выполнять. Пусть без фанатизма, без огонька, но надо.

Потерпев неудачу изменить ее мировоззрение, Зиганшин не успокоится, этот муж силы привык добиваться своего.

Начнет выискивать у нее всякие мелкие косяки, без которых не обходится работа, или еще как-нибудь пакостить, но конкурирующую фирму изживет. С Васей Шаларем ее поссорит...

В свободное время Лиза писала фэнтези, а в этом жанре книги немыслимы без яркого полновесного злодея: кол-

дуна, вампира или короля, неважно. Главное, злодей должен быть целеустремленный и энергичный, а чтобы образ получился по-настоящему выпуклым, надо обязательно снабдить его особым злодейским кодексом чести.

Так вот у Зиганшина энергии хватало, а с кодексом чести было совсем плохо. Никакие соображения не могли остановить его на пути к намеченной цели, которая, по его мнению, оправдывала средства.

И ждать от него милосердия к толстожопой дуре – просто утопия.

Он увидел Наташу возле стеллажа с молочными продуктами. Щурясь и смешно гримасничая, она пыталась прочесть ценники. Зиганшин вздохнул. У сестры было плохое зрение, требовавшее сложных очков, разных для «близости» и для «дали». Для «дали», стало быть, опять не хватило денег.

Он немного помедлил, а потом подкрался и с криком «бу!» схватил сестру за локоть.

Наташа ойкнула, прищурилась, узнавая его, и улыбнулась, от чего ее правильное, но блеклое лицо совершенно преобразилось. Зиганшин душу готов был продать за эту улыбку.

– Поедем, я тебе куплю очки, – сказал он, зная, что Наташа откажется. Она позволяла только раз в неделю возить ее с покупками из дешевого гипермаркета. При оптовых закупках, ей казалось, меньше расходуется средств на еду. Вполне возможно, так оно и было, Зиганшин не проверял.

Его бы воля, он возил бы сестру в нормальный магазин и покупал ей и племянникам хорошие продукты, а не всякую перемороженную дрянь, но Наташа, мягкая и уступчивая женщина, здесь проявляла непреклонность.

Блуждая среди холодильников с йогуртами, Зиганшин озяб и приобнял сестру за плечи.

Они с Наташей были единокровные, с разницей в пять лет, и маленький Митя долго не мог понять, почему противную девчонку, которую приводят поиграть по воскресеньям, надо называть сестрой, почему он не может пойти гулять только с папой, а вечно увязывается еще и она, и что такое «алименты», из-за которых спорят родители. Когда Наташе исполнилось пятнадцать, ее мать умерла, и девочку пришлось забрать к ним.

Зиганшин помнил свое недоумение и злость, когда ему, десятилетнему пацану, сказали, что теперь придется делить комнату с Наташей, вот так вот просто взять и отдать половину личного пространства девахе, которую он знать не хочет.

Он воевал с ней за каждый сантиметр, разбрасывал свои вещи, хотя любил порядок, требовал, чтобы она гасила свет, потому что он может уснуть только в темноте. Наташа молча убирала комнату и вечерами уходила читать в кухню. Наверное, ей тяжело жилось, потому что мать тоже с трудом терпела падчерицу, все боялась, что она предъявит какие-то права, а отец тяготился ситуацией в принципе, поэтому его

в то время раздражали все они трое, что не могут найти общего языка.

Как только ей исполнилось семнадцать, Наташа уехала к себе и стала жить одна на алименты и на то, что зарабатывала санитаркой в больнице. За несколько месяцев до ее отъезда Митя тяжело заболел корью. Температура поднялась такая, что он едва помнил те дни, но, приходя в себя, видел лицо сестры. Наташа ухаживала за ним, не боясь заразиться, хотя всем известно, что чем старше человек, тем тяжелее протекает эта болезнь. Она давала ему пить, обтирала тряпочкой с уксусом, выбирая самую мягкую, и то прикосновения причиняли такую боль, что Зиганшин плакал и ругался. Наташа читала ему, от жара он не понимал смысла, но звук ее голоса действовал успокаивающе.

Как-то ночью он проснулся, увидел в свете уличных фонарей, что сестра спит рядом одетая, готовая подскочить по первому его зову, и вдруг стало так невыносимо стыдно, что он столько шпынял Наташу, а она теперь ухаживает за ним, что Митя заплакал, накрыв голову подушкой, чтобы не разбудить ее. Он плакал и плакал, к утру температура упала, и Зиганшин начал поправляться.

Почему за ним ухаживала Наташа, а не мама, он до сих пор не знал, и это был единственный вопрос, который он боялся задать.

Поправляясь, он поклялся себе самой страшной клятвой, что больше не будет обижать сестру и обязательно станет ей

помогать, если она заболит.

Наташа действительно заразилась от него, но ухаживать не пришлось, родители отдали ее в больницу. В инфекционном отделении посещения запрещены, он только возил ей передачи, перетаскал лучшие книги из отцовской библиотеки, которые потом не вернули, и Зиганшину влетело за это по первое число, но он не жалел.

Наступило лето, и его отвезли к бабушке в деревню, дышать свежим воздухом и отпиваться парным молоком, словом, поправляться, а когда он вернулся, Наташа уже переехала к себе и начала жить самостоятельно.

Окрепнув, он вернулся к своим мальчишеским делам, в которых старшей сестре не находилось места, и встретились снова они уже взрослыми людьми, на похоронах отца.

Обнялись, вспомнили, что они родные люди, и надо держаться вместе. Обычно подобные клятвы, произнесенные на похоронах, остаются пустыми обещаниями, но брат и сестра действительно стали держаться вместе.

Он – одинокий, она много лет безнадежно любит женатого человека, от которого родила двоих детей.

Зиганшин искренне недоумевал и злился на судьбу, как такая чудесная женщина не вышла замуж, иногда знакомил ее с кем-то из коллег, Наташа нравилась, но мягко отклоняла все ухаживания.

Наконец тележка, которую Зиганшин толкал перед собой

с видом изнуренного невольника, наполнилась продуктами, в основном «по акции», и Наташа повернула к кассе. Пришлось отстоять очередь, и Зиганшин хотел было высказаться в адрес дешевого магазина, но, встретив мягкий взгляд сестры, передумал.

Они поболтали о Наташиных детях, к которым он испытывал весьма умеренный интерес и не запомнил больше половины того, что она рассказала.

Как обычно, попытался расплатиться сам, но Наташа не позволила.

Она очень ценила свою самостоятельность.

Вернувшись домой, Лиза еле сдержалась, чтобы не расплакаться. Она так надеялась, что достанет телефон, обнаружит пропущенный звонок от Руслана, и на душе снова станет легко и радостно.

Но телефон мертво молчал. Лиза пыталась держать себя в руках, сохранять достоинство и не звонить самой, но вдруг почувствовала такую острую тревогу, что руки сами схватили мобильный и набрали его номер. Сердце стучало как бешеное, голова кружилась от волнения, и оставалось только надеяться, что голос ее звучит спокойно.

– Добрый вечер, Руслан!

– А, Лиза, – он говорил так холодно и недовольно, что Лиза чуть не задохнулась.

– У тебя все в порядке? Ничего не случилось?

– Нет, а что должно было случиться?

– Не знаю... Ты просто три дня не звонишь, и я подумала... – Лиза знала, что возненавидит себя за эти жалкие слова, но все равно произнесла их вслух.

– Все в порядке, Лиза! Не волнуйся. Просто я сейчас сильно занят. Наберу тебя, как освобожусь.

– А, понятно, извини, – промямлила она.

– Ну, пока?

– Пока.

Она еще послушала безнадежные короткие гудки, прежде чем отбросила телефон.

Стало так тяжело и больно, что любое действие казалось невозможным. Наверное, если бы она заплакала, стало бы чуть легче, но глаза оставались сухими.

Хорошо только, что родители уехали в Калининград, и никто не явится сюда сейчас выяснять, почему это она лежит лицом к стене и не идет ужинать.

Потом Лиза вспомнила, сколько времени провела, предвкушая, как пригласит Руслана к себе на романтический ужин и ночь.

Теперь ничего этого не состоится. Все кончилось. Даже самые толстожопые дуры не настолько наивны, чтобы верить обещаниям «набрать, когда освободится».

Господи, она давно уже старая для подобных подростковых переживаний! Любит – не любит, позвонит – не позвонит, это все хорошо в двадцать лет, а сейчас ей нужно уже

тревожиться о детях, о том, хватит ли денег на взнос по ипотеке, и о прочих рутинных вещах.

Если бы Гриша остался жив, и у них родилась дочка, как раз наступало бы ее время страдать от любви. Ну да, двенадцать лет ей было бы, самый возраст.

Почти физически Лиза ощущала, как на сердце опускается серая мгла безнадежности.

Пришлось сделать над собой огромное усилие, но Лиза все-таки встала, оделась и спустилась вниз.

Наступил ясный летний вечер, во дворе играли дети, мамочки с колясками сидели на скамейках или прохаживались, оживленно беседуя.

В воздухе пахло сиренью, почему-то в этом году она цвела особенно буйно.

Лиза вышла на улицу, чувствуя, как нагрелся за день пыльный асфальт. Машины шли плотным потоком, и в какую бы она ни заглядывала, везде сидели мужчина и женщина, иногда с детьми на заднем сиденье. Повсюду были пары, мужчины обнимали своих дам за талию загорелыми крепкими руками, многие девушки шли с букетами.

Лиза почувствовала себя какой-то невидимкой, инопланетянкой или призраком, с завистью наблюдающим за чужим счастьем из своего печального гнезда.

«В конце концов, ты ничего не потеряла, кроме надежды, – говорила она себе, – будешь жить так же, как и до Руслана, работать, ругаться с Зиганшиным, писать книги... Най-

дешь, чем занять тридцать-сорок лет, которые тебе еще остались. Не все время будешь посвящать отчаянию и сетованиям о пролитом молоке».

Как настоящий призрак, она побродила по улице, заглянула в окно кафе, думая, не заказать ли бокал вина, но вовремя опомнилась и вернулась домой.

Достала ноутбук, посидела над текстом, но поняла, что в таком состоянии не напишет ни строчки.

Попыталась читать, но буквы сливались в единый серый ком, и Лиза тупо смотрела на страницу, не понимая смысла.

И все же надо было что-то делать! Стоит раз поддаться отчаянию, так оно захлестнет тебя с головой.

Вдруг Лиза вспомнила, что в черной сумке у нее осталось несколько сигарет. Так она была человеком некурящим и в принципе не одобряла эту дурную и вредную привычку, но в критической ситуации нет ничего лучше, чтобы успокоить нервы. Поэтому, улетая в Киев (о, эта поездка в Киев), Лиза захватила пачку, они с Русланом выкурили несколько штук, а остатки потерялись в сумке среди другого женского барахла.

А потом наступило лето, и черная сумка отправилась в шкаф до холодов.

Лиза торопливо достала ее, с ужасом думая, вдруг она что-то напутала и никакой заправки в сумке нет.

Опасения оказались напрасными, и через минуту она уже курила, чувствуя, как с каждой затяжкой притупляется боль.

Конечно, это самообман, и сколько ни кури, счастливее не станешь, но сейчас ей нужно только пережить сегодняшний вечер.

Черт, как же отвлечься от мысли снова позвонить Руслану или, того хуже, поехать к нему? Если поддаться этому искушению, будет такой позор, что на всю жизнь останется занозой в сердце.

Творчество не спасает, чтение не получается, вино отпадает сразу, что остается?

Глубоко затянувшись и выпустив дым через сложенные, как для поцелуя, губы, Лиза вдруг сообразила.

Как только они начали встречаться, Руслан принял живое участие в ее литературных делах. Через мать (Лиза так и не знала, что он сказал о ней Анне Спиридоновне: моя девушка или отважный следователь, выручивший Макса) Руслан заcontactил ее со знаменитой писательницей, которой Лиза зачитывалась с молодости и никогда не думала, что этот прекрасный автор когда-нибудь станет заботиться о ее собственных литературных делах.

Писательница по просьбе Анны Спиридоновны прочла книгу Лизы Шваб и написала ей «ВКонтакте», где несчастная Лиза Шваб зарегистрировалась специально для этого.

Помнится, Лиза чуть в обморок не упала, когда увидела личное сообщение от любимой писательницы, в котором та доброжелательно отзывалась о ее творчестве и дала контакты редактора, который занимался Лизиными текстами и со-

гласился делать это впредь без посредничества Юлии Викторовны. Выяснилось, кстати, что в издательстве давно хотели познакомиться с Лизой Шваб, но Юлия Викторовна говорила, что за этим псевдонимом скрывается высокопоставленный чиновник Министерства внутренних дел и одним из условий публикации текстов является сохранение инкогнито.

Анна Спиридоновна завела Лизе группу «ВКонтакте» и рекламировала талантливого автора Лизу Шваб где только возможно. Несчастье с Христиной сильно расстроило пожилую женщину, но помочь она ничем не могла, и чтобы отвлечься от грустных мыслей, мать Руслана совсем переселилась в виртуальную реальность.

Лиза гордилась, что в группе состоят сорок девять человек, и с нетерпением ждала момента, когда число ее поклонников составит круглую юбилейную цифру пятьдесят.

Записи в группе, которые делала Анна Спиридоновна, содержали в себе главным образом цитаты из книг или рекламу Лизиных произведений. Иногда Лизе писали «в приват», в основном благодарности и пожелания новых творческих успехов, что чрезвычайно окрыляло автора, и в дни, когда приходило подобное сообщение, Лиза творила с удвоенной силой.

Но недели две назад она получила довольно необычное письмо от паренька с претенциозным и настораживающим ником Ясный Сокол.

«Лиза Шваб, я люблю ваши книги, но и сам тоже пишу. У меня есть готовый роман, но никто его не хочет печатать, — писал Ясный Сокол, — я думаю, его не понимают. А вы поймете. Вы умный человек, и я знаю, что вам моя книга понравится, и вы поможете мне, чтобы я стал настоящим писателем. Взамен я вам могу тоже помочь. У меня есть много сюжетов, я вам подарю их. Моя книга станет самой важной, если только обойти дураков, которые не понимают ничего или просто не хотят, чтобы люди читали хорошие книги. Я вам пошлю свой текст, потому что знаю, что вы его не украдете».

Лиза пожалела мальчика, выглядевшего на аватарке тощим и несчастным, и дала ему свою электронную почту, и только потом сообразила зайти к нему на страничку. Нельзя сказать, что увиденное сильно ее изумило, но все же потрясло.

Страничка пестрела репостами из групп любителей здорового образа жизни и православия, а также патриотов и славянофилов самого экстремального толка.

Лизу передернуло. Казалось бы, отказ от дурных привычек, твердость в вере и патриотизм — прекрасные вещи, но с другой стороны, совершенно не нужно сбиваться в стаи, чтобы любить свою Родину, молиться Богу, не изменять жене и вести здоровый образ жизни. Это личный выбор каждого человека.

Но для таких как Ясный Сокол, приверженность светлым идеалам всего лишь повод ощутить себя выше и лучше дру-

гих, облечь свою агрессивность в форму битвы за святыни и спасение нации.

Чем это все кончается, Лиза знала не понаслышке, дел о тяжких телесных повреждениях, нанесенных в ходе богословских дискуссий, был ею оформлен не один десяток.

И все же ей стало жаль Ясного Сокола, вероятно, судя по сбивчивому тону его сообщения, не совсем стабильного психически парня, попавшего под влияние среды.

Чем черт не шутит, вдруг творчество поможет ему обрести себя?

Она написала ему вполне доброжелательное письмо, что с удовольствием прочтет его книгу, только для этого потребуется время.

Написала и забыла, потому что как раз в тот день уехала с Русланом на залив...

«Вот судьба и наказала меня, – мрачно подумала Лиза, – что я в своем счастье забыла о других, об этом юном графомане, который, может быть, возлагал на меня все свои надежды. О, как только я делаю что-то не очень хорошее, судьба сразу бьет меня по рукам!»

Только теперь, оставленная Русланом, она подумала о душевных муках одинокого ребенка. Что Ясный Сокол одинок, было ясно хотя бы из того, что он писал книги. Если бы ему посчастливилось стать душой компании, бедняга тусовался бы с «друганами» и не притрагивался к перу.

Вздохнув, Лиза открыла текст, присланный Соколом, и

приступила к чтению, закулив новую сигарету.

С первых страниц стало ясно, что великий роман представляет интерес разве что для психиатров, и проблемы с головой у парня гораздо серьезнее, чем ей показалось вначале.

С трудом одолев две главы этого бреда, Лиза сломалась и отложила айпад. Первое, о чем она подумала – как хорошо, что парень не знает ее настоящего имени и адреса. Можно ничего не отвечать и вообще заблокировать его, чтобы забыть дорогу к ней на страничку.

Но это будет нехорошо. Сумасшедшие тоже люди и имеют право на сочувствие.

В конце концов, парнишка обратился к ней за помощью, и она должна помочь, пусть даже не совсем так, как этого хочет он.

Лиза, тщательно подбирая слова, написала Ясному Соколу, что книга ей понравилась и она попробует отнести ее в издательство, но нужно настоящее имя автора и какие-нибудь координаты, чтобы с ним связаться. Редакторы – люди серьезные и не станут иметь дело с анонимом.

«Ну вот и хорошо, – усмехнулась она, нажимая на «отправить», – а завтра позвоню Голлербаху. Ему сейчас, конечно, вообще не до меня, но хотя бы он даст мне телефон кого-то из своих коллег, который скажет точно, псих Ясный Сокол или нет, и, может быть, подберет ему лечение».

Выйдя из своего любимого «Лендровера», Зиганшин хо-

рошо, со вкусом потянулся. Так надоело сидеть за рулем, что он решил не загонять машину в гараж, в конце концов, завтра утром снова ехать. После встречи с Наташей ему всегда было горько, смутно на душе. Отчего такая хорошая женщина досталась подонку, который морочит ей голову уже второй десяток лет? Красивая, нежная, работающая, она могла бы составить счастье любому мужику, а вот поди ж ты...

Он постоял, щурясь, подставляя лицо мягким лучам заходящего солнца, и обида за сестру немного отпустила.

Пять лет назад Зиганшин загрузил, стал томиться в своей новой, с иголки, шикарной квартире. По инерции обставлял ее, но чем больше занимался благоустройством, тем больше квартира начинала напоминать ему механизированное стойло для крупного рогатого скота, и сам он вдруг стал чувствовать себя какой-то коровой, которую держат в чистоте, дают вдоволь корма, а взамен нещадно доят.

Он понимал, что это глупые мысли и неверные аналогии привели его к неверным выводам, но ощущение не проходило.

Зиганшин тосковал, сам не зная по чему, думал, искал выход, но решение, как это часто бывает, пришло внезапно и само собой. Момент истины настал в тренажерном зале, где Мстислав Юрьевич с пользой проводил досуг, перекидывая железо.

Он как раз выполнял жим лежа и вдруг отчетливо понял, как бессмысленна, глупа и, в общем, недостойна настоящего

мужика эта физическая нагрузка.

Зиганшин осторожно положил штангу, встал и покинул зал, чтобы больше никогда не возвращаться.

Через несколько дней он купил дом в заброшенной деревне всего в часе езды от работы. К покосившемуся от старости домику прилагался большой участок с запущенным яблоневым садом. За старыми деревьями давно никто не ухаживал, и они одичали так, что не было надежд на большой урожай, но крепкие ветви их раскинулись широко, сплетались между собой, будто защищая дом.

Какие-то еще росли кусты, буйные, очертаниями похожие на атомные грибы, тогда Зиганшин не разбирался в садоводстве и только с течением времени узнал, где у него сирень, где жасмин, а где крыжовник.

Он переехал сразу, первый год жил в избушке, страшно скрипели половицы, и ветер выдувал остатки мха, проложенного когда-то между бревнами сруба. Зиганшин топил печь, мылся в старой бане с помощью системы тазиков и чувствовал себя живым и свободным.

Потом построил добротный деревянный дом, сруб в два этажа и черепичная крыша, а первое свое обиталище переквалифицировал в летнюю кухню.

Завел щенка немецкой овчарки, который вырос в такую умную собаку, что Зиганшин никогда не чувствовал себя одиноким. Ему только хотелось, чтобы Найда немного больше соответствовала плакату на калитке: «Осторожно, злая

собака», но что поделать, характер не переломить.

Держал небольшой огород и альпийскую горку, не потому что страстно любил цветы и экологически чистые огурцы (к слову, почти весь урожай он отдавал Наташе для детей), а чтобы занять себя физическим трудом.

Переезжая в деревню, Зиганшин хотел, чтобы в его городской квартире поселилась Наташа с детьми, но, пока думал, как половчее ей это предложить, площадь самовольно заняла матушка со своим новым мужем.

Таким образом, путь к отступлению был отрезан, и подполковник полиции окончательно превратился в деревенского жителя.

Найда выскочила ему навстречу, виляя хвостом, но тут же села и с достоинством гавкнула. Она знала, что хозяин – человек серьезный и любит солидное обращение.

Зиганшин потрепал ее по густой шелковистой шерстке, но не удержался, нагнулся и чмокнул в ледяной и мокрый кожаный нос.

Трава на лужайке перед домом сильно вымахала, и, сменив форму на старые джинсы, Мстислав пошел за косой. В сарае у него теснились самые разные «приспособы» и «приблуды» – от мотоблока до ручного культиватора «Торнадо», но косить он любил по старинке, старой косой, которую нашел в сарае. Лезвие, конечно, проржавело, пришлось заменить его, а косовище замечательно ложилось в руки, легкое, сухое, отполированное ладонями нескольких поколений му-

жиков.

Зиганшин заработал, наслаждаясь теплым вечером и тем, как хорошо у него получается, как ровно ложится трава под взмахами косы. «Все мы колосья под серпом твоим», – вдруг пришла в голову фраза, и Мстислав понятия не имел, откуда она и что значит.

В изумрудной траве трогательно голубели какие-то цветочки, закрывались солнышки последних одуванчиков, и Зиганшину стало немножко жаль своей лужайки, но надо, чтобы все выглядело ухоженным и аккуратным.

Иначе соседи заглянут через забор (он поставил высокий глухой забор еще прежде дома, но быстро понял: ни одна ограда не бывает достаточно высока, чтобы ее не могло преодолеть соседское любопытство) и решат, что подполковник впал в запой.

Скошенная трава пахла чуть горьковато, и Зиганшин загрустил.

Когда подъехала Элина на своей микроскопической машинке, он уже закончил работу и вытирал косу специальной тряпочкой.

– Привет, заходи, – сказал он, с удовольствием глядя на нее, – я сейчас, только ополоснусь.

– Прекрати, Зиганшин, не мойся, ты хорошо пахнешь – мужским духом. И я быстрее освобожусь.

– Ну тогда можно для скорости в дом не заходить. Прямо

тут.

Но в дом они все же вошли.

Когда все закончилось, он остался лежать и смотреть, как Элина одевается, и думал, как ему удалось восемь лет назад разглядеть в обычной проститутке деловую жилку. Немного подтолкнул, показал дорогу, и теперь это преуспевающая бизнес-леди, хозяйка элитного борделя. И выглядит она сейчас так уверенно, что ни за что не подумаешь, что когда-то ей приходилось выполнять любые прихоти клиентов.

Сочная женщина, хоть уже, кажется, перешагнула сорокалетний рубеж. Ноги как рельсы, хотя и грудь, и животик – все как следует...

Скользнув взглядом по ее изысканному шелковому костюму, он подумал, что женщины, конечно, гораздо более совершенные существа, чем мужики.

Мужчина каким родился, таким и живет, а если и меняется, всегда несет на себе отпечаток прошлого. Не то с женщинами. Как змеи, они сбрасывают старую шкуру, полностью перевоплощаясь в новую ипостась, которую дарит им судьба.

Мужчина меняет мир, а женщина меняется сама...

– Жениться вам, барин, надо, – прервала Элина его размышления, – я, конечно, понимаю, у нас общий бизнес, но я замужняя женщина, в конце-то концов, и не могу к тебе мчаться каждые десять минут, как только тебе приспичит!

– Каждые десять минут не нужно, – лениво улыбнулся Зи-

ганшин, – раз в неделю вполне достаточно. Это в восемнадцать лет я был бездумный распылитель, а теперь одни головешки остались от прежнего огня.

– Seriously, Митя, – пробормотала Элина, сосредоточенно подкрашивая глаз, – ты один да один, нехорошо.

– Как раз хорошо. Приляг ко мне на пять минут.

Элина осторожно вытянулась поверх одеяла, следя, чтобы не помялся ее шелковый костюм.

– Странно так, – сказала она задумчиво, – когда я с тобой в постели, совсем забываю, какой ты опасный человек.

Он пожал плечами.

– Ну да, я редкое дерьмо, и что дальше?

– Не знаю, Митя. Просто я ж знаю, что ты не прощаешь ничего, и вообще безжалостный, а мне не страшно.

Приподнявшись на локте, свободную руку он погрузил в ее густые каштановые волосы:

– Ты меня не бойся, Элина. Не обижу. Но все-таки будь со мной честной.

Как часто бывает, утром все показалось не таким безнадежным. Есть же призрачный шанс, что Руслан на самом деле занят. «Чем? – спрашивал Лизин здравый смысл у так некстати поднявшей голову надежды. – Если ты сможешь придумать, чем таким занят человек, что не может даже по телефону поговорить с любимой женщиной, я тебе поверю».

Но надежда не смогла предложить ни одного сколько-ни-

будь реалистичного варианта, кроме неубедительной идеи, что Руслан потом все объяснит.

В общем, она собиралась на работу в таких смятенных чувствах, что решила «забыть» телефон дома. Кому надо, найдут следователя Федорову по рабочему номеру, зато ей не придется каждые пять минут впадать в отчаяние, глядя на пустой экран.

На работе она постаралась не встречаться с Зиганшиным. Все же на «толстожопую дуру» надо было как-то отреагировать. Вряд ли он оценил ее гневное молчание и теперь уверен, что она его боится, значит, теперь с ней можно вообще не сдерживаться и оскорблять как угодно.

Вася Шаларь заступился бы за нее, но он и без этого на плохом счету у Мстислава Юрьевича. Слишком гуманный и милосердный, на взгляд Зиганшина, а если он еще станет защищать Лизу, начкрим окончательно укрепитя в мысли, что именно Вася является связующим звеном между гражданами, получившими отказ у оперов, и следователем Федоровой.

Лиза сидела у себя, не решаясь лишний раз выйти, чтобы случайно не столкнуться с начкримом, но потом узнала, что Зиганшин поехал на задержание. «Надеюсь, тебя там подстрелят», – вдруг пришла в голову мысль, и следующие полчаса Лиза плевала через левое плечо и колотила костяшками пальцев по столешнице.

После допроса чрезвычайно нудной и бестолковой свиде-

тельницы Лиза почувствовала, что заслужила отдых. Она заварила себе кофейку и открыла «ВКонтакте», рассчитывая, что Ясный Сокол уже отозвался на ее сообщение. Сейчас она попросит Шаларя пробить несчастного молодого человека, а потом с чистой совестью позвонит Голлербаху, а о том, что Максимилиан Максимилианович – связующее звено между нею и Русланом, она совершенно думать не будет.

Но Ясный Сокол молчал как рыба, вместо этого Лиза увидела сообщение от какого-то Петра Ильичева: номер телефона и просьбу позвонить как можно скорее.

Только зайдя на его страничку и рассмотрев фотографию, она сообразила, что это не кто иной, как ее сокурсник, с которым они не виделись много лет, и непонятно было, что ему так срочно понадобилось.

Пожав плечами, Лиза набрала номер со стационарного телефона, радуясь, что начальство преодолело жестокий приступ экономии и отменило ограничение на междугородние и мобильные номера.

Договорились, что Петя подъедет к ней на работу, и Лиза, заинтригованная, стала ждать. Ильичев трудился опером в том районе города, в котором ей не приходилось бывать, и все же Лиза стала перебирать последние события своей жизни, прикидывая, чем могла возбудить профессиональный интерес сокурсника. Может быть, Зиганшин подсуетился как-нибудь?

В любом случае, трудно найти более законопослушного

человека, чем она.

Петя остался таким же щуплым и живым парнем, каким она помнила его по студенчеству. И если лицом он слегка постарел, то его подвижная физиономия выглядела прекрасной иллюстрацией для высказывания Марка Твена: «Морщины должны быть следами былых улыбок».

Приветствовал он ее так, словно они расстались вчера, а не десять лет назад, расцеловал, перегнувшись через письменный стол, но Лизу не успокоила эта показная радость.

Она решила не выказывать своего любопытства и, спокойно улыбнувшись, встала, чтобы приготовить гостю кофе. Но вода в чайнике не успела закипеть, как без стука открылась дверь, и на пороге появился Зиганшин.

– Вы не ошиблись кабинетом, Мстислав Юрьевич? – спросила она холодно.

– Нет, не ошибся. Узнал, что у нас гости из другого района, и зашел поздороваться, – мужчины обменялись крепким рукопожатием, – какими судьбами у нас, Петр?

– Забежал у Елизаветы Алексеевны информацию по делу уточнить.

– Так, может быть, у меня это будет удобнее сделать? И кабинет побольше, и найдется чем угостить дорогого гостя. Или у вас тайное свидание, а я вмешался бестактно? А? Вы скажите, Елизавета Алексеевна, не стесняйтесь.

– Я пока не знаю, о чем речь, – сказала она, – но если

Петр не настаивает на конфиденциальности, то мне скрывать нечего.

Все трое перешли к начкриму. Зиганшин вежливо подвинул Лизе стул и включил кофемашину, предмет жгучей зависти коллег. Раньше Лиза, только проходя мимо, слышала истошное завывание этого агрегата, но никогда не удостоивалась приглашения на кофе и теперь была очень удивлена, увидев, что начкрим пользуется изящными чашечками костяного фарфора.

– Итак, – сказал Зиганшин, взяв чашку, которая смотрелась совсем крошечной в его руке, – что заставило вас партизанить в нашем отделе, Петр?

Лучезарно улыбаясь, Петя рассказал, что вчера вечером выезжал на место происшествия. Некий Дмитрий Павлович Шишкин, известный в прошлом тележурналист, был зарезан в подворотне по пути домой. Убийцу взяли сразу, он даже не пытался скрыться, так и сидел возле трупа с ножом в руках и при задержании не оказал ни малейшего сопротивления. Следователю пояснил, что исполнял свой долг и другого пути просто не видел. Все, кого удалось опросить, показали, что потерпевший и убийца никогда не были знакомы, и в ходе допроса парень стал проявлять такие явные признаки неадекватного поведения, что следователь вызвал психиатрическую бригаду.

Убийца был госпитализирован с острым психозом, но де-

журный врач сказал, что почти не сомневается в том, что у парня шизофрения. Окончательно диагноз можно будет установить только после стационарной судебно-психиатрической экспертизы, но не для протокола врач готов утверждать, что бедняга абсолютно сумасшедший.

– Везет вам, – протянул Зиганшин, – вместо преступления общественно-опасное действие психически больного. Не надо бегать, жизнь терпилы лопатить. Если он журналистом был, то там такое может всплыть, что господи помилуй. А сейчас парня в психушку оформят, и привет горячий. От нас-то вы чего хотите?

– Да ничего, в общем, – улыбнулся Петя, – это я уж так, из любопытства. Взял планшет парня, открыл приложение «ВКонтакте», смотрю, а там сообщение от некоей Лизы Шваб. Присмотрелся к фотографии, боже мой, это же моя сокурсница. Решил съездить неофициальным порядком, узнать, откуда она знает этого психа.

– Так и ехал бы, мы тут при чем? – Мстислав Юрьевич пожал плечами, а Лиза из-за его спины постаралась поймать Петин взгляд и просигналить ему умоляющей мимикой, чтобы молчал.

Но Ильичев не понял намека.

– Так я и приехал. Правда, на табличке указано, что ты в реале осталась Федоровой.

– О? – Зиганшин поставил чашку и, нахмурясь, пристально посмотрел на нее. – Скажите нам, Елизавета Алексеевна,

откуда вы знаете этого психа?

– Какого именно психа? Как его фамилия? – буркнула Лиза.

– Фамилия его Миханоша, хотя тебе он может быть известен как Ясный Сокол.

– Да блин! Так и знала! Вот правду говорят, не хочешь себе зла, не делай людям добра!

– О, Елизавета Алексеевна! Отрадно слышать от вас столь зрелые идеи!

– Да перестаньте вы, Мстислав Юрьевич! Я знать его не знаю. Прислал мне парень свое шизофреническое творчество, вот и все.

– Ты ж написала, что тебе понравилось.

– Ну а как иначе я бы о нем что-то узнала? О господи! – Лиза схватилась за голову. – Если бы я только отреагировала раньше! Я же хотела выяснить его личность и сделать так, чтобы он попал в поле зрения психиатров. Написал этот Ясный Сокол недели две назад, а сподобилась ответить я только вчера... Вот дура! Если бы сразу отреагировала, то он бы уже начал получать лечение и никого бы не убил. Получается, Шишкин этот на моей совести.

– Вы, Елизавета Алексеевна, поосторожнее груз вины на борт принимайте, – хмыкнул Зиганшин, – совесть у человека не резиновая. Лучше скажите, почему этот Ясный выбрал именно вас своим критиком и конфидендом из всей многомиллионной аудитории сайта?

Краснея, Лиза рассказала о том, что под псевдонимом Лиза Шваб пишет фэнтези, и, видно, в какой-то недобрый час ее книга попала на глаза Ясному Соколу, вот он и решил с ее помощью проникнуть в литературные круги.

Сообщая свой секрет чужим и отчасти враждебно настроенным людям, Лиза чувствовала себя словно голая. Давно ей не было так стыдно.

Как ни маловероятно выглядело подобное предположение, она решила: ради того чтобы поиздеваться над ней, Зиганшин преодолеет свое отвращение к печатному слову, прочтет ее книги и станет всем рассказывать, какую чушь она пишет.

Петя ладно, она его десять лет не видела и, дай бог, не увидит еще столько же, а с Зиганшиным сталкивается каждый день, и если он ознакомится с ее творчеством, то поймет, о чем она думает и что чувствует, словом, заглянет к ней в душу.

А Лизе совсем не хотелось, чтобы ей в душу заглядывали такие негодяи, как начкрим.

– Так Шваб – это псевдоним? – спросил Петя простодушно. – А я думал, ты замуж вышла за своего рыжего.

Лиза почувствовала, что лицо ее дрогнуло. Не хватает только расплакаться перед Зиганшиным для полного унижения!

– Нет, я не вышла замуж, – сказала она севшим голосом.

– Да? Слушай, а я же помню, вы такая пара были! Я к тебе

потому и не подкачивал, что знал – шансов нет.

Она встала, поправила мундир, из последних сил держа себя в руках, проговорила: «Если у господ оперсостава нет больше вопросов, мне нужно вернуться к работе», – не дожидаясь ответа, вышла от Зиганшина и быстро проследовала в женский туалет, где дала наконец волю слезам.

О чем она плачет, Лиза и сама не знала. О том, что мысли о Грише никогда не покидают ее, о том, что его много лет нет на свете, и о том, что все эти годы она одинока... О Руслане, поманившем ее надеждой на счастье только затем, чтобы сразу отнять ее... О том, что слишком вкладывала душу в свои книги...

Лиза только начала успокаиваться, как вспомнила ночь, проведенную с Русланом на заливе, и от мысли, что больше никогда не окажется в его объятиях, зарыдала еще горше.

Ах, эта вечная женская иллюзия – в соитии тел видеть слияние душ...

Лиза всхлипнула, шмыгнула носом и привалилась головой к холодной кафельной стенке. Почему жизнь так скупится ей на счастье, словно дворовые хулиганы, отбирает даже те жалкие крохи, которые ей удастся выцарапать у судьбы?

Или правду говорят, что рок неумолим, и если ей на роду написано быть одинокой, нечего и пытаться пересилить свою судьбу?

Носового платка у Лизы не было, пришлось отмотать от рулона туалетной бумаги, чтобы вытереть нос, и почему-то

эта туалетная бумага привела ее в окончательное отчаяние.

Забыв, что находится на работе, она всхлипнула слишком громко, и дверь тут же отозвалась уверенным стуком.

– Когда закончишь рыдать, – сказала дверь голосом Зиганшина, – зайди ко мне. Есть разговор.

Лиза подошла к зеркалу. Чуда не произошло: нельзя плакать о загубленной жизни без того, чтобы лицо не превратилось в зыбкое красное пятно. Она включила холодную воду и, сняв пиджак, стала плескать на щеки и на лоб. Слава богу, она почти не пользовалась косметикой на работе, поэтому обошлось без хрестоматийных черных разводов, но все равно вид ужасающий, недостойный российского следователя.

«Подведем итоги, – говорила себе Лиза, охлаждая лицо водой, – меня оставил возлюбленный, прекрасный человек, близкий мне по духу. Благородный, смелый, интересный, нежный любовник. Есть только один недостаток – он знать меня не хочет. И оставил именно в тот момент, когда я расслабилась и поверила в наше общее будущее. Но судьбе показалось этого мало, она с наслаждением провернула нож в ране, сделав так, что свидетелем моей слабости оказался подонок Зиганшин! Может быть, она специально добавила мне еще и это унижение, чтобы я прочувствовала все сполна и больше не пыталась с ней бороться?

Ну и как финальный аккорд – смерть несчастного Шишкина, которая теперь навсегда повиснет на моей совести! Если бы я сразу ответила бедному мальчику, могла бы успеть с

психиатрической помощью раньше, чем шизофрения толкнула его на убийство. Хотя как знать, может, он не захотел бы лечиться, а у нас такие законы, что с сумасшедшим нельзя ничего сделать, пока он кого-нибудь не убил или не покалечил.

И все же я виновата! Не только в смерти журналиста, но и в дальнейшей судьбе несчастного юноши». – Лиза с досадой подумала, что из-за Зиганшина не спросила у Пети ничего по существу дела и не знает, совершеннолетний этот Миханюша или нет. Но в любом случае, напиши она ему хоть на неделю раньше, все могло бы закончиться амбулаторным лечением. Диспансерный учет и поддерживающая терапия, и у парня остались бы шансы на какую-то социализацию, может быть, и на трудоустройство. А теперь принудительное лечение, после которого парень превратится в тень прежнего себя, во всяком случае писать книги уже никогда не сможет.

«Вот и весь итог твоей любовной истории – две загубленные жизни! Точнее, три, если посчитать твою собственную!» – закончила Лиза свой внутренний монолог, промокнула лицо очередной порцией туалетной бумаги и, последний раз судорожно вздохнув, с гордо развернутой спиной отправилась к начкриму.

Тот сидел, уставясь в экран компьютера, и, не отрываясь от своего занятия, жестом показал ей, чтобы села.

Пауза затянулась, и Лиза решила перейти в наступление: – Мстислав Юрьевич, надеюсь, я имею право общаться

с людьми без вашего вмешательства! – выпалила она, чувствуя, что звучит это вовсе не так грозно, как она планировала.

– Имеешь, имеешь... – протянул Зиганшин рассеянно, – с людьми общайся сколько хочешь, а с чужими операми – нет.

– И тем не менее!

– И тем не менее ты дура! Я для тебя старался. Явно ж человек с чужой земли не просто так к тебе приехал. А чтобы оперативно реагировать, мне нужно информацию иметь из первых рук.

Лиза присвистнула. Как он, будучи на задержании, узнал, кто к ней приехал и зачем? Если бы Зиганшин всю мощь своего дедуктивного метода расходовал не на подковерные интриги, а на расследование преступлений, в отделе была бы стопроцентная раскрываемость.

– Короче, я тебя отмазал. Ильичев еще следаку планшет не светил и дальше его придержит, замотает где-нибудь. Твое имя не всплывет нигде, и люди не узнают, какой херней ты в свободное время занимаешься. Видишь, я за своих всегда готов вписаться.

Лиза поморщилась и нарочито внимательно посмотрела в окно.

Читая между строк, это значит: становись, Лиза, частью нашей коррупционной схемы, живи по нашим правилам, и мы тебя отмажем в случае чего.

– Вообще смешное дело, – сказал Зиганшин неожиданно

миролюбиво, — я помню этого Шишкина. Мне было лет десять или около того, когда я смотрел его передачу о правах психически больных. Так уж он за них ратовал, прямо пена изо рта шла, вот я и запомнил. У детей память цепкая на всякую чушь. А теперь видишь, за что боролся, на то и напоролся. Диалектика!

Лиза сухо заметила, что не совсем. Психическое заболевание Миханоши придется еще доказывать. Вот если бы парень уже состоял на учете, отказался от лечения и только после этого убил Шишкина, тогда была бы диалектика.

— Тоже верно. Слушай, а у нас тоже был похожий случай, я как раз смотрю.

Начкрим любезно повернул к ней экран монитора и сделал приглашающий жест. Лиза поежилась. Дружелюбный Зиганшин пугал ее гораздо сильнее, чем в своем обычном хамском образе.

Она знала, что Мстислав Юрьевич хранит у себя в компьютере документацию по всем делам и обладает редким умением работать с информацией. Мог бы сделать карьеру в науке, стать профессором, а вместо этого наводит ужас на весь отдел.

— Полгода назад у нас на земле грохнули проректора одного медвуза. Тоже молодой человек, ранее незнакомый с терпилой, вдруг взял да и размозжил ему голову.

— Что-то слышала.

— Дело вел наш убитый в голову Чернышов, сначала пы-

тался на мафиозные разборки натягивать, чтобы заявить о себе миру, но потом убийца такое понес на допросе у него, что даже Черный сообразил психиатрическую экспертизу назначить. Ну и все, бедолагу встретили в дурдоме как родного. Разборки там наверняка тоже были, не без этого, но смерть бедный проректор принял от рук сумасшедшего. Кстати, ирония в том, что по специальности он был психиатром.

Лиза, уже поднимавшаяся со стула, резко села обратно.

– То есть, Мстислав Юрьевич, вы хотите сказать, что с интервалом в полгода два видных деятеля, связанные с психиатрией, были убиты независимо друг от друга молодыми людьми в состоянии острого психоза?

– У меня сестра работает врачом, так у них есть так называемый закон парных случаев. То есть если поступает больной с каким-нибудь страшно редким заболеванием, жди второго такого же. А потом опять тишина на двадцать лет. Наташа говорит, железно срабатывает. Вот и у нас что-то наподобие этого произошло. В общем-то, тут больше медицина, чем юриспруденция, поэтому и закон сработал.

– И все равно, странное совпадение.

– Странное, но жизнь вообще странная штука. Если в каждом совпадении искать чей-то умысел, недолго самому в дурдоме оказаться.

Это не дневник и не мемуары, и я вообще не знаю, зачем все это пишу. Просто нашел старую-престарую тетрадь, которую покупал перед самым концом аспирантуры, вспом-

нил, как ходил за ней вместе с Верой, как она выбирала обложку... А вот зачем нужна была эта тетрадка, я так вспомнить и не смог. Как бы то ни было, она осталась пустой и странным образом уцелела. Я нашел этот крохотный осколок прежней жизни на антресолях, делая генеральную уборку. Когда узнаешь, что скоро тебе предстоит умереть, после первого шока начинаешь наводить порядок в своем жилище, разбираешь всякие завалы, семейные архивы, деловые бумаги или любовную переписку, это уж кому как повезло. Уничтожаешь все, что тебе не хотелось бы делать достоянием посторонних глаз. У меня не нашлось почти никаких личных бумаг, кроме кучи оплаченных счетов за квартиру, которые я ленился выбрасывать, а теперь решил, что и не надо.

Между документами на квартиру и паспортом пылесоса я почему-то обнаружил копию своего приговора и после небольшого раздумья тоже решил не выбрасывать ее. Папиросная бумага с отпечатанным на машинке текстом, кое-где прорванная на месте точек и запятых (наверное, стенографистка колотила по клавишам с остервенением), теперь вызвала у меня только грусть о прошлом, ушедшем безвозвратно.

Даже обидно стало, что так мало личного, которое надо уничтожить. Мы с Верой все время были вместе и не нуждались в том, чтобы писать друг другу. От нее осталось всего несколько фотографий, которые я возьму с собой...

Я вынес на помойку всю старую одежду, застиранные по-

лотенца и постельное белье. Пусть те, кто войдут в мое жилище первыми, увидят, что нелюдимый алкоголик жил в комфорте, а не в убожестве. Хотя, наверное, надо будет оставить в кухне возле батареи несколько пустых бутылок.

А потом я нашел эту тетрадь. Девяносто шесть листов, в клеенчатой обложке цвета бордо, который Вера обожала, с незаметным мелким тиснением. Я бы сам ни за что не выбрал такую.

Я смахнул пушистый слой серой пыли, скопившейся за двадцать лет на обрезах, и пролистнул пожелтевшие страницы. Чернила, которыми была нанесена клетка, выцвели от времени, а может быть, всегда были такими бледными, теперь уже не вспомнить.

Смешно, но в доме не оказалось ни одной ручки, пришлось бежать в киоск, где я на всякий случай купил сразу пять и, вернувшись, сразу сел за стол и принялся писать.

Не дневник и не мемуары, а просто личные бумаги, которые я попрошу уничтожить перед самой смертью.

Или забуду попросить, и останется только гадать о дальнейшей судьбе моей тетради. Может быть, Надя засунет ее между книг, или ее дети раздерут листы на кораблики, или тетрадка пойдет в макулатуру, если ее вдруг снова начнут принимать у граждан. Вариантов тысяча, и самый маловероятный – что кто-то станет разбирать мои каракули. Хоть я давно не практикую, почерк у меня остался врачебным.

Зачем я пишу? А зачем люди читают объявления в ожи-

дании автобуса? Не потому, что интересно, а надо чем-то занять оставшееся время.

Вот и я жду свой автобус-смерть, но не хочу сидеть сложа руки.

Наверное, прежде всего надо рассказать, как я познакомился с Верой. Сложная задача, я не так хорошо владею словом, чтобы передать свои чувства, когда впервые увидел ее.

Я ехал из МАПО¹, кажется, тогда он еще назывался ГИДУВом, и, как всегда, погруженный в раздумья, не видел дальше собственного носа.

Не помню, какой предмет владел тогда моими мыслями, но до метро «Чернышевская», приземистого серого здания, похожего на помещичью усадьбу средней руки, я дошел на автопилоте. Толкнув тяжелую дверь из какой-то благородной породы дерева, я вошел в вестибюль, с удовольствием вдыхая с мороза теплый воздух и в сотый раз отмечая, что в метро он имеет свой особый вкус. Замешкался у турникетов, шаря в карманах в поисках проездного, и тут мое внимание привлекло... нет, не девушка, не человек, а просто движение. Так, наверное, разведчик боковым зрением замечает крадущуюся тень врага.

И, как разведчик, я молниеносно повернулся. Это была самая обычная девушка, одетая совсем невыразительно – в джинсы и куртку с капюшоном. Он, кстати, оказался поднят,

---

¹ МАПО – Медицинская академия последипломного образования; ГИДУВ – Государственный институт для усовершенствования врачей.

и я не видел ее лица.

Но быстрый шаг и такая же, как у меня, сосредоточенность на своих мыслях сказали мне, что надо идти за ней. Я выудил наконец карточку проездного из кармана куртки, предъявил ее монументальной тете в красном беретике и помчался вниз по эскалатору, боясь, что не узнаю девушку вне движения.

Но опасения мои оказались напрасны, я быстро узнал ее фигурку и встал на ступеньку ниже.

Она не снимала капюшон, но мне это казалось совсем неважно. Разве противоположно заряженные атомы заглядывают друг другу в лицо, прежде чем объединиться в молекулу?

Девушка читала книгу, очень толстую и старую, с порывевшими потрепанными страницами, в картонной обложке, которая сильно искрошилась, поэтому я не смог прочесть название, когда поднырнул вниз. Я думал, что, узнав, какую книгу она читает, смогу начать непринужденный разговор. Увы...

Тогда я просто сказал: «Здравствуйте!»

Двадцатиминутная поездка на метро стала нашим свадебным путешествием. На «Кировском заводе» мы вышли уже состоявшейся парой.

Первое опьянение потихоньку проходило, я смотрел на Веру и не мог понять, какая она. То казалось, что она ослепительно, чарующе красива, а когда она вдруг поворачивалась

другой стороной, я начинал думать, что влюбился в страхильду.

Но это было неважно, я боялся только не запомнить ее лицо.

Смею надеяться, что мысль о нашей первой встрече станет последним воспоминанием в моей жизни. Если Бог позволит мне в последний миг пережить снова то, что я почувствовал тогда, мне нечего просить у него больше.

Одно только мучает меня – я так и не узнал, какую книгу она тогда читала.

Лиза сидела за письменным столом. Пальцы лежали на клавиатуре ноутбука, глаза смотрели в монитор с изображением чистого листа, в квартире было пусто, но автор фэнтези Лиза Шваб не могла выдать из себя ни слова.

Надеясь взбодриться, она приготовила себе огромную чашку кофе с лимоном, машинально выпила, но на дне не обнаружила ничего похожего на вдохновение.

Как это некстати сейчас! В издательстве ждут новый текст, довольно определенно дав понять: если Лиза покажет себя плодовитым и надежным автором, ей сделают собственную серию. Но не в серии дело! Главное, что ее приняли доброжелательно, не как ученицу, сдающую экзамен, а как самостоятельного, можно сказать самобытного, писателя, имеющего право на творческую свободу. Надо оправдывать доверие, а не сидеть, изнывая от тоски по Руслану.

Но чувство рухнувшей надежды было еще очень острым, и Лиза не могла пока убежать из реальности в свои сказочные королевства.

Она потеряла виски кончиками пальцев в последней попытке сосредоточиться. Нет, бесполезно.

Лиза старалась не думать о Руслане, не вспоминать его большие сухие ладони, как он целовал ее, сначала осторожно и бережно, а потом все смелее, как крепко он держал ее в миг, когда она потерялась в нем...

Все это надо выбросить из головы, потому что тело предательски отзывается истомой, стоит только подумать о том, как они были вместе.

Но тогда Лизу начинали терзать мысли о несчастном Шишкине, о том, что она не успела его спасти. Несколько дней раньше или даже несколькими часами, потому что бедняга Миханоша, если бы получил ее послание, скорее всего, сразу бы выкинул из головы кровожадные мысли. Для любого автора, даже безумного, главный приоритет – собственное творчество.

Вроде бы она не виновата, но с другой стороны, могла бы сразу сообразить, что имеет дело с сумасшедшим.

Шишкин не даст ей спокойно спать еще много лет. Быстрее забудется Руслан, чем она перестанет терзаться, что не предотвратила убийство журналиста.

Правда, на текущий момент мысли о Шишкине были, пожалуй, единственным, на чем она могла сосредоточиться и

что отвлекало от переживаний о неслучившемся женском счастье.

Лиза набрала в поисковике его фамилию, Интернет услужливо отозвался кучей ссылок и картинок, и по первой же фотографии она вспомнила его.

Родители смотрели какой-то то ли круглый стол, то ли открытую студию, Шишкин метался по экрану как молния, поражая и ослепляя, а маленькая Лиза злилась, что ей не переклЮчили на «Спокойной ночи», и с недетской мудростью думала, как можно быть таким дураком.

Усмехнувшись, Лиза стала открывать все страницы подряд, и вскоре картина стала ей ясна.

Дмитрий Павлович Шишкин был из тех журналистов, которым до зарезу необходим статус пророка и совести нации «в одном флаконе».

Весь он дышал мудростью, страстью и непримиримостью и с наступлением перестройки приобрел огромную популярность, бичуя социальные язвы.

Со временем вакуум в головах советских граждан заполнился, кое-кто начал думать самостоятельно, кое-кто вовсе перестал это делать, но понемногу до людей стала доходить мысль, что социальные язвы надо не бичевать, а исцелять, но это требует не криков, а тихого упорного труда, и интерес к Дмитрию Павловичу постепенно сошел на нет.

Он подвизался в каких-то сомнительных проектах, связанных уже не с политикой, а с личной жизнью, где люди с

упоением трясли своим грязным бельем, но даже апеллирование к самым низким и темным сторонам человеческой натуры не дало результатов – его не хотели знать, и программы закрывались.

Бывают такие карьеры: стремительный взлет на социальном лифте, и затяжное падение по социальной лестнице, с болезненным ударом об каждую ступеньку.

В последней попытке привлечь к себе внимание Шишкин решил поэксплуатировать свое хобби. Он увлекался разведением вельш-корги и решил стать главным собачником России. Публиковал статьи о том, как правильно воспитывать этих маленьких овчарок, как кормить и выгуливать, но и тут, судя по количеству комментариев, интерес публики оказался довольно вялым. Словом, общество повернулось к бедному журналисту спиной, отбросило его, как ребенок выбрасывает надоевшую игрушку.

Интересно, как он жил и на что? Торговал щенками и преподавал в каком-нибудь заштатном вузе? Хватило ли у него мудрости и житейской сметки сберечь баснословные гонорары, полученные на пике популярности в девяностых, или они были беззаботно оставлены на курортах и в кабаках, потому что Шишкин думал, что раз есть деньги сегодня, то они будут и всегда, и звезда его никогда не закатится?

И каким образом судьба свела его с несчастным дурачком Миханошей?

Лиза нахмурилась. Вроде бы Петя обмолвился, что Шиш-

кин заработал огромную популярность, ратуя за права психически больных. Странно, вроде бы нормальный человек должен, наоборот, бояться сумасшедших и желать их изоляции, а вот поди ж ты... наверное, в те годы люди были так опьянены внезапно наступившей свободой, что плохо сообщали, что делать и куда бежать.

Скорее всего, хитрый Дмитрий Павлович разыграл карту «карательной психиатрии», что сумасшедшие на самом деле никакие не сумасшедшие, а борцы с проклятым режимом и находятся в психбольницах не по заболеванию, а по произволу властей.

Лиза поискала в Сети, но увы... Все это происходило давно, в до-интернетовскую эпоху, и записей передач, где Шишкин поднимал тему прав сумасшедших, не сохранилось. Они наверняка где-то есть, но нужен специальный навык, чтобы их найти, да и зачем?

Понятно, что там будет. Страстные монологи Дмитрия Павловича, слезливые истории граждан, чьих родственников загубили в психбольницах, может быть, откровения какого-нибудь диссидента, отматавшего в дурдоме срок...

Чтобы привести мысли в порядок, Лиза открыла пасьянс и стала задумчиво гонять карты по экрану.

Оно понятно, что у сумасшедших своя логика, и думать, чем Шишкин насолил Миханеше, смысла нет. Но с другой стороны... Был бы Дмитрий Павлович Джоном Ленноном, ситуация не вызвала бы никаких вопросов, но когда парень

родился, имя журналиста уже давно было предано забвению. Кстати, когда Миханоша родился? Может быть, она ошибается насчет его возраста?

Психически больные люди не так уж редко совершают акты насилия. Не только алкоголики в приступе белой горячки и наркоманы в поисках дозы, но и тихие шизофреники могут натворить ужасные дела, направив свою агрессию на совершенно постороннего человека.

Когда Лиза училась в университете, на курсе судебной психиатрии им приводили пример, как обычный человек, полковник в отставке, зашел в трамвай, убил там троих человек, а когда опомнился, долго не мог поверить, что сделал это.

Случайные попутчики, но в трамвай-то он сел не с целью убийства, а по каким-то своим невинным делам.

Если бы Миханоша убил Шишкина где-то на своем привычном маршруте, то все сложилось бы, но что заставило его специально ехать к дому тележурналиста? Или они соседи?

Оторвавшись от карт, Лиза нарисовала в открытом блокноте, который всегда клала рядом с ноутбуком, приступая к тексту, вопросительный знак.

Этот пасьянс сходилась крайне редко, а сейчас вдруг получился с первого раза, Лиза пожалела, что израсходовала этот шанс, не загадав желания. Вздыхнув, она взяла телефон и позвонила Пете Ильичеву. Чем впустую тратить мыслительную энергию, лучше получить ответ у первоисточника и

жить спокойно.

Петя неожиданно обрадовался ее звонку и предложил встретиться, благо хорошая погода и время не слишком позднее.

Ильичев выглядел совсем юным в светлых брюках и футболке с готическим принтом, и Лиза пожалела, что сама вырядилась в шелковое платье, лучшее из летнего в своем гардеробе. Надо было тоже засунуть свою толстую попу в джинсы, а не драпировать ее благородными тканями.

Неподалеку от Лизиного дома располагался парк, дикая территория, слава богу подведомственная другому отделу. Но на границе его, где цивилизация и гуманность еще сохраняли силу, недавно открылось симпатичное летнее кафе. Пластиковые столики не внушали особого доверия, но приятные сумерки, аромат сирени и кромка залива вдалеке с лихвой компенсировали скудость обстановки.

Петя заказал бутылку сухого вина и сырную тарелку, и Лиза едва сдержала вздох разочарования. Она хотела поговорить с ним о деле, а не предаваться романтическим воспоминаниям.

Впрочем, после нескольких дежурных «а помнишь...» Ильичев с удовольствием сосредоточился на служебных делах.

Конечно, информация о фигурантах собрана еще далеко не вся, но общая картина уже понятна. Шишкин жил с же-

ной в небольшом загородном доме, а сын-студент обитал в городской квартире, и еще одну квартиру семья сдавала. Эти деньги, плюс вырученные за продажу щенков вельш-корги, разведением которых Шишкин с женой занимались профессионально, составляли основной источник дохода семьи.

Лиза улыбнулась. Прикидываясь законченным пассионарием, в личной жизни Шишкин сохранял благоразумие, вкладывая свои доходы в то, что никогда не теряет в цене — в недвижимость.

Сын уже полгода учился в Германии по обмену, но Дмитрий Павлович все равно сохранил привычку каждый четверг ночевать в городской квартире, на пути в которую его и подстерегла смерть.

Петя заподозрил было любовную историю, но жена пояснила, что это было удобно для всех. Дмитрий Павлович поливал цветы, коих в городской квартире было огромное количество, скачивал сериалы на всю неделю, потому что за городом они располагали только мобильным Интернетом, принимал ванну, а жена тем временем делала генеральную уборку в доме, не раздражая мужа и не раздражаясь сама.

На всякий случай Петя проверил, не связан ли как-нибудь Миханоша с сыном Шишкина, все же они ровесники, двадцать лет, но если знакомство и существовало, то молодые люди его тщательно скрывали.

Впрочем, у сына не было никаких резонов желать смерти отца. Семья была дружная, любящая, даже странно, что

такой скандальный журналист в быту оказался чрезвычайно мягким и неконфликтным человеком. Городская квартира и так была записана на сына, деньгами родители его тоже не обижали, так что тут перспективы никакой не просматривалось.

Все крестовые походы Шишкина остались далеко в прошлом, никаких разоблачений он не делал и опасности ни для кого не представлял.

Не для чего было городить такую сложную комбинацию. Настоящего психа не заставишь убивать по заказу, а уговорить молодого человека совершить убийство, дать себя поймать и прикинуться сумасшедшим... Вряд ли кто пойдет на такое, разве что ради очень больших денег. Но когда есть очень большие деньги, проблему можно решить и без насилия. Слава богу, взятки еще никто не отменял.

Миханоша сейчас в психиатрической больнице, а там быстро разберутся, сумасшедший он или симулянт, у двадцатилетнего парня нет шансов обвести целый отряд профессоров.

Впрочем, после того как оперативники опросили родителей и знакомых убийцы, оставалось только удивляться, почему парень раньше не попал в поле зрения врачей.

Юра Миханоша рос в благополучной семье, папа бизнесмен средней руки, мама – домохозяйка. Ребенка приобщали к культуре, водили в кружки, но все, как говорится, не в коны корм. Мальчик рос нелюдимым, трудно сходилась с дру-

гими детьми и плохо учился в школе, хотя иногда показывал прекрасную память и интеллект. Например, он увлекался Древним Египтом, и когда проходили по истории этот раздел, Юра отвечал только на отлично, сделал несколько рисунков для класса, доклад и реферат, который учительница даже отослала на какой-то конкурс. Но когда тема закончилась, Юра снова скатился на троечки. Так же и в математике. При полном пренебрежении к этой науке он вдруг быстро и остроумно решал сложнейшую задачу. В старших классах у него появилось безразличие к своему внешнему виду, он перестал мыться, стригся со скандалом, и если бы мать не следила за его одеждой, месяцами ее не менял бы.

Юра полюбил писать сочинения, длинные, многословные, мысль вертелась в них, как щенок, который не может поймать собственный хвост. Зато почерк был каллиграфический.

Педагоги насторожились, завели с родителями разговор о том, что ребенка надо показать специалисту, но в ответ ожидаемо получили отповедь, мол, сын не виноват, что тупые и косные учителя не могут найти подход к неординарному мальчику.

Некоторые надежды возлагались педагогическим коллективом на ГИА, что Миханюша его завалит и дальше пойдет получать образование куда-нибудь в другое место, но родители буквально в зубах перетаскивали Юру через это препятствие, и школу он окончил, и ЕГЭ сдал сравнительно при-

лично.

А дальше решил поступать в Литературный институт и вот уже три года штурмовал эту неприступную твердыню. Не работал, от армии родители отмазали по несуществующей язве.

– Какая ирония, – грустно улыбнулась Лиза, пригубив вина. На вкус оно оказалось довольно мерзким. – Люди потратили деньги на вымышленное заболевание, отказываясь признать, что у ребенка существует настоящая болезнь.

– Угу! Вот и получили! – сказал Петя равнодушно. – А ты что так взволновалась-то?

– Да как... Все же виноватой себя чувствую. Проглядела шизофреника. Хотя бы на несколько дней раньше спохватилась...

– Ну ты даешь! Некоторые вон на двадцать лет опоздали, и не парятся. Мамаша так до сих пор уверена, что это заговор ментовский вокруг ее ненаглядного ребенка.

– А отец что?

– В шоке полном. До него вроде правда начинает доходить.

– В твоих устах вся эта история выглядит вполне тривиально, – Лиза задумчиво провела пальцем по ободку своего бокала, – обычный эксцесс психически больного. Но кой черт занес его на эти галеры? По идее, жертвой должен был стать случайный человек, но на территории Миханоши, или, наоборот, какая-нибудь знаменитость. Но Шишкина знаме-

нитостью давно не назовешь, а убили его в таком месте, где парню нечего было делать.

– Ой, мало ли! – Петя беспечно засмеялся. – Вот увидишь, когда он придет в себя и доктора разрешат с ним беседовать, Миханоша расскажет, что ездил в гости, или в магазин, где только и была редкая книга, или еще куда-нибудь. Шел себе по делам, а тут бац! и накрыло! Чем загадочнее все выглядит, тем проще оказывается на самом деле.

– Это да, но у нас недавно был похожий случай. Я детали не знаю, но тоже парень в припадке умопомешательства убил приличного человека, хотя пути их не должны были пересечься никоим образом.

– И что?

– Подробности не знаю, не я дело вела. Но все равно странно.

– Я тебя умоляю! А маньяк не странно? А собственного ребенка выкинуть из окна не странно?

Лиза улыбнулась. Действительно, она всегда относилась к работе довольно прохладно, без интереса, а тут вдруг какие-то зыбкие совпадения и несостыковки вызвали ее любопытство.

Зачем она пытается вскрыть глобальный заговор сумасшедших, когда всем известно, что сумасшедшие потому и сумасшедшие, что неспособны ни с кем договориться? У них у каждого своя правда, и шизофреник всегда действует один.

Объединение в группы – это косвенный признак нормаль-

ности.

– Слушай, Лиза, а ты, может, замолвишь за меня словечко перед Зиганшиным? – вдруг сказал Петя, искательно заглядывая ей в глаза. – У вас как раз вакансия освободилась, так я бы перешел.

– Да? Ты хотел бы работать под его руководством?

Петя потупился:

– Конечно, Зиганшин это даже не оборотень, это вампир в погонах, но дело свое он знает. И мужики говорили, что у него все отлажено, весь бизнес в районе под контролем, поэтому у вас и преступность низкая.

– Боюсь, моя рекомендация тебе только повредит. Он терпеть меня не может, думает, что я за его спиной свои дела проворачиваю...

– Странно, что ты до сих пор жива, если он так думает.

– Короче, Петя, если я тему подниму, считай, тебе в наш отдел путь заказан.

Они еще немножко посидели, но разговор увял, Лиза видела, что Ильичев мучительно выискивает предлог закончить встречу, поэтому демонстративно посмотрела на часы и воскликнула, что давно пора домой.

Иногда меня мучает бессонница. Что ж, ничего удивительного в этом нет. Наоборот, я считаю, что слишком хорошо сплю для своего образа жизни.

В такие ночи я смотрю старые фильмы, те, которые вы-

шли до моего знакомства с Верой, когда я был юн, уверен в себе, целеустремлен и надежда еще не покинула меня. Вспоминаю, как мы с родителями собирались в кухне возле черно-белого телевизора и смотрели, не отрываясь, очередную серию «Гонок по вертикали», «Шерлока Холмса» или французского фильма «Графиня де Монсоро».

И я был уверен, что все увлекательные приключения, которые происходят с героями, произойдут и со мной, в предстоящей мне бесконечной интересной жизни...

Наверное, если бы я впервые увидел эти фильмы сейчас, им не удалось бы пробить панцирь, выросший с годами на моей душе, я только посмеялся бы над вымученным сюжетом, над наивными установками героев, но сейчас всплывают детские впечатления, и сквозь их дымку фильмы снова кажутся мне прекрасными.

В одном из таких, как теперь говорят, мини-сериалов шла речь о скрипках Страдивари, и я подумал, откуда у человека взялся этот дар? Не имея под рукой никаких достижений научно-технического прогресса, делать такие скрипки, звучание которых до сих пор покоряет мир?

Или Микеланджело, например. Как он высек своего Давида из цельного куска мрамора, если у него не было даже электричества? Меня бы лично парализовала мысль, что один неверный удар резцом – и вся работа насмарку...

Что это? Откуда берется и куда уходит? Сейчас человечество в известной мере спротезировало гениев с помощью

компьютеров и самых разнообразных приборов, никому не нужен, например, лозоход или врач, обладающий чутьем диагноста, когда на каждом шагу МРТ.

И тому же Микеланджело было бы гораздо проще работать, имей он болгарку и шлиф-машинку. Мог бы создать гораздо больше скульптур. Хотя... Если сосчитать его творения и сравнить с производительностью современных скульпторов, получится, что прогресс не очень-то им помог.

Но я о другом. О том, что все люди разные, и у каждого свои таланты. Когда дело касается достижений интеллекта, мы с уважением склоняем головы перед гением, понимая, что придумать теорию относительности или «Евгения Онегина» под силу далеко не каждому.

Но одаренность в материальной или эмоциональной сфере воспринимается нами скептически, мы считаем, что мастерства можно достичь упорным трудом при хорошем наставнике, а всякие там экстрасенсорные штучки вообще считаем шарлатанством.

Учись, слушай советы, усердно трудись и добьешься успеха! Возразить тут особо нечего, но откройте маленькую трагедию «Моцарт и Сальери» и приложите к любой специальности!

Человек, едва окончивший школу, пишущий с ошибками, вдруг создает роман, которым зачитывается весь мир, а выпускник Литинститута, интеллигент и сноб, имеющий в своем распоряжении не только все секреты ремесла, но и

выкладки маркетологов о том, что нужно читателю в данный момент, пишет никому не интересные мертворожденные произведения.

Один учитель начальных классов наводит на детей ужас, так что на его уроках пикнуть никто не смеет, а другому остается только наблюдать, как ученики галдят и кидаются шариками из бумаги.

Две женщины примерно с одинаковой внешностью, но вокруг одной вечно выются мужчины, а другая все равно что пустое место для сильного пола.

Продолжать можно бесконечно, и хоть мы все материалисты и отрицаем существование высших сил, жизнь на каждом шагу показывает нам, что кое-какие вещи мы не можем ни понять, ни преодолеть.

Мы с Верой как-то говорили об этом, тогда было модно вспоминать, что в каждом человеке зарыт Моцарт, и Вера задумалась, какой дар достался ей.

Я думал, что дар нашей любви, умение думать вместе и чувствовать друг друга на расстоянии, но она сказала – нет. Любовь – это любовь, а дар у нее – точно определять, сколько нужно начинки. И действительно, она никогда не ошибалась в количестве фарша для перцев, крема для пирожных, огурцов для банок и прочее и прочее. Всегда четко сходилось, хотя Вера никогда ничего не взвешивала и не высчитывала.

И она никогда не могла объяснить ни себе самой, ни другим хозяйкам, как это у нее выходит.

Вот в чем опасность дара. Ты можешь им пользоваться, но не способен понять его и передать другим. А когда люди не могут забрать у тебя то, что им хотелось бы иметь, это очень их раздражает.

И у меня тоже был свой дар... Впрочем, он никуда не делся, напротив, я потерял в жизни все, кроме него. Но об этом напишу потом.

Выходные Лиза провела на редкость бестолково. В новом романе не прибавилось ни одного слова, и вообще она была способна думать только о том, позвонит Руслан еще хоть раз или нет.

Телефон молчал, не радуя ее даже мимолетной надеждой в виде рекламной эсэмэски.

Лишь в воскресенье она немного отвлеклась, убирая квартиру и готовя праздничный обед к приезду родителей, но в итоге мысли, что она такая хорошая хозяйка, а никому это не нужно, расстроили Лизу еще больше.

Одно только радовало – на работе было все тихо. Ни трудных дел, ни косяков, за которые ее могло бы отругать начальство. Можно спокойно предаваться отчаянию, не отвлекаясь на всякие глупости.

Лиза неторопливо, не особенно вникая в суть, печатала обвинительное заключение, как вдруг в кабинет к ней зашел Зиганшин и без разрешения, с шумом выдвинув стул, уселся

напротив нее.

Многообещающее начало, вяло подумала Лиза и убрала руки с клавиатуры.

– Елизавета Алексеевна, вы вообще убитая в голову? – спросил Зиганшин тихо.

– Я так понимаю, это риторический вопрос.

– Не хаами! Я пытался с тобой по-хорошему, но ты слушать не хочешь. Через какое место до тебя дойдет, что нельзя чужим операм информацию сливать?

– Не поняла?

Возмущение вышло ненатуральным, Лиза прекрасно все поняла. С некоторым опозданием она вспомнила, что Петя Ильичев в университете снискал репутацию парня «душа нараспашку», причем распашка эта касалась больше чужих секретов, чем его собственных.

– Я никакой тайны следствия не нарушила, – буркнула она.

– Да? А на кой черт ты ему рассказала про нашего психа?

– Совпадение просто.

– А если не просто? Если Петенька нарочет что-нибудь? И что тогда будет? Он молодец, а мы, как обычно, все прощелкали?

Лиза вздохнула. В сколько-нибудь заслуживающих внимания голливудских боевиках когда происходила завязка сюжета, следующие пятнадцать минут экранного времени посвящались выяснению вопроса «кто тут главный». Зиган-

шин, видимо, уважал американский кинематограф и строго следил за тем, чтобы быть главным во всем и везде.

Ей, наоборот, казалось, что главное – найти преступника и справедливо осудить, а кому достанутся лавры, уже второй вопрос. Может быть, она так считала потому, что ей самой лавры никогда не доставались...

– Ты как обезьяна с гранатой, – сказал Зиганшин грустно, – но я постараюсь тебя обезвредить.

Он посмотрел на нее с таким холодным презрением, что Лиза поежилась.

Наверное, надо было объяснить Мстиславу Юрьевичу, почему она встретила с Петей и что не рассказала ничего такого, что бы Ильичев сам не мог прочесть в сводке, но ей стало противно унижаться.

Ильичев, конечно, скотина, хотел получить у нее протекцию, а когда Лиза отказалась, решил действовать на свой страх и риск. Подумал, если я сдам ретивого следователя, Зиганшин увидит мою лояльность и возьмет меня к себе. Что ж, теперь ей не поздоровится, но и Петя места не увидит, Мстислав Юрьевич не любит предателей.

Ладно, нечего печалиться о бывшем сокурснике, надо думать о собственной судьбе. Зиганшин – умная сволочь, и найти на нее компромат ему труда не составит. В каждом деле есть мелкие недоработки, недочеты, которые при желании можно раздуть до огромных размеров. Потом он просто может поручить какому-нибудь оперу тупо подставить следо-

вателя Федорову, и опер согласится, ну, кроме, может быть, Васи Шаларя. А может быть, и Вася пойдет на это, в конце концов, что такое дружба против гарантированного дохода от коррупционных схем?

Лиза оглянуться не успеет, как схлопочет такие неприятности, что останется или уволиться, или, в лучшем случае, перевестись в какой-нибудь отдел с дурной славой.

Сейчас у нее нет особых перспектив, но работа близко от дома, район приличный, коллектив стабильный, вполне нормальное место досидеть до пенсии.

Не хочется по прихоти Зиганшина попасть в такую дыру, куда добираться два часа и каждую секунду кто-то получает в морду.

Лиза почувствовала, как на глазах накипают слезы, так ей стало себя жаль. Всю жизнь она барахтается одна, пытается удержаться на воде, уже не мечтая куда-то выплыть, и не знает, что это такое – уцепиться за протянутую руку.

Никто и никогда ей не помогал, начиная с собственных родителей. Если она бежала к ним со своими бедами и проблемами, единственное, что слышала: «Ты сама виновата» – в разных вариациях. Мама с папой долго и нудно обсуждали ситуацию, указывали, где Лиза допустила ошибку, какие именно негативные свойства характера побудили ее поступить плохо и как хорошая девочка с легкостью могла бы избежать несчастья. Но никогда, ни при каких обстоятельствах они ничего не делали.

Со временем Лиза перестала делиться с родителями, наоборот, если у нее возникали неприятности, первой заботой было сделать так, чтобы мама с папой о них не узнали. Иначе дело усугублялось проповедью, разбором ее морального облика и умствованиями «а вот если бы ты это, то они бы то, и ничего бы не случилось».

Лиза чувствовала себя защищенной только в тот год, который была с Гришей. Она знала, что идет рука об руку с сильным человеком, и вдвоем они смогут пережить любой удар.

Но судьба оказалась еще сильнее, и теперь Лиза болтается одна на самой обочине жизни. Ни должности, ни покровителей, ни заступников. Любой имеет право ткнуть ее носом куда угодно, и она не сможет даже найти утешение в семейном кругу.

Ох, если бы она могла сказать начкриму: «Эй, Зиганшин, я выхожу замуж! Вот вам мои дела, хотите расследуйте, хотите – в задницу засуньте, а у меня теперь другие интересы в жизни!»

Лиза потянулась к телефону. Как бы то ни было, но она имеет право еще на одну попытку!

– Руслан, это я, – сказала она глупо, будто он не видел, кто звонит.

В трубке помолчали, потом сказали:

– Здравствуй, Лиза.

Ей показалось, что Руслан произнес это с большим усили-

ем, и она промолчала в ответ.

– Зачем ты звонишь? – наконец спросил он, и сердце Лизы сжалось в безнадежной тоске.

– Ну просто...

– Лиза, мы же взрослые люди, давай не будем мучить друг друга выяснениями отношений.

– Я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

– Со мной все в порядке, и если ты хочешь обязательно услышать от меня, что это все, то хорошо, Лиза. Это все.

Хотелось лечь лицом к стене, свернувшись калачиком, и лежать неподвижно, не расплескивая боль.

И думать, что когда-нибудь все закончится, она сможет уснуть или умереть, словом, исчезнуть, спрятаться сама от себя... Или напиться до смерти с той же целью. Или пойти в церковь и плакать там, понимая, что вместо молитв у тебя выходят только претензии к Богу и упреки, почему он так плохо о тебе заботится. Правда, существует школа мысли, утверждающая, что чем больше Бог тебя любит, тем больше испытаний посылает, чтобы ты окрепла духом и вообще становилась лучше. «Наверное, для Бога это правильный подход, но между людьми такой любви быть не должно, – подумала Лиза, – и, кстати, я лучше не становлюсь, наоборот, только хуже. Сердце мое черствеет, ожесточается. Может быть, в этом весь смысл, когда Бог увидит, как я переполняюсь благодарностью к нему за то, что он отсекает мне все

возможности личного счастья, он от меня отвяжется, скажет, на тебе, Лиза, заслужила, и подсунет какого-нибудь затертого неудачника с манией величия типа Гоши в исполнении артиста Баталова».

В общем, существовали разные способы немножко утихомирить душевную боль, но у Лизы были вызваны люди, лежали два обвинительных заключения, и до конца рабочего дня она не могла предаться отчаянию.

Еле-еле удалось взять себя в руки и не запороть допрос, а потом Лиза решила лучше злиться на Зиганшина, чем оплакивать рухнувшие надежды.

Представив в уме сладостную сцену, как Мстислава Юрьевича разжалуют в участковые, и начальник полиции города крутит перед его носом пудовым кулаком, сложенным в фигу, Лиза вдруг подумала, что не так уж начкрим и виноват. Глупость сделала она, что проболталась Пете, подлость – он, что слил ее Зиганшину, а последний как раз отреагировал вполне нормально.

И она еще может отыграть ситуацию. Спросить у Чернышева про его дело, сравнить с информацией, которую ей выболтал Петька, и, может быть, найдется что-то общее.

Она поделится своими идеями с начкримом, а тот дальше пусть как хочет. Отношения с Зиганшиным от этого не улучшатся, но Ильичев обломается.

Чернышев, крепкий парень с вечно сияющей физиономией и глупым, как у коня, смехом, охотно согласился попить

с ней кофе и обсудить дело Кривицкого.

Он даже распечатал документы по этому делу, оставшиеся в компьютере, и, с аппетитом отмеряя зубами добрую половину Лизиной булочки, совершенно не беспокоился о такой ерунде, как тайна следствия.

– Я думал, дело в город заберут, все же терпила не последний человек на свете был, но у парня на допросе кукушка слетела, и расследовать стало нечего, – весело сказал Чернышев, – бумаги я все оформил, а дальше пусть психиатры стараются.

– Ты фабулу расскажи, пожалуйста, – Лиза налила в чайник новую порцию воды и приготовилась слушать.

Дело Кривицкого до неприличия напоминало дело Шишкина. Выходя из дома, несчастный проректор вдруг ни с того ни с сего подвергся нападению молодого человека, нанесшего ему несколько ударов в голову топориком для отбивания мяса, какими пользуются многие домашние хозяйки. Дело происходило утром, при большом скоплении народа, но, как это всегда бывает, прошло несколько секунд, прежде чем люди сориентировались, и самые смелые (Лизу не удивило, что это оказались женщины) оттащили убийцу от жертвы. Этих нескольких секунд хватило для нанесения смертельных ударов.

В отличие от Миханоши, который сдался без малейшего сопротивления, этот молодой человек с красивой фамилией Скролибовский вырывался и кричал, будто ему обещали,

что он успеет убежать. Но тетки оказались неумолимыми и физически сильными, продержали его до приезда ППС.

Дежурный следователь Чернышев выехал на место, радостно потирая ручки в предвкушении громкого дела, которое, возможно, окажется исходной точкой для головокружительной карьеры, и твердо вознамерился расколоть Скролибовского на заказчика до того, как дело заберут в город.

Сначала парень вроде бы согласился всех сдать, потому что ему обещали безопасный отход с места преступления, а не вышло.

Но только Чернышев потянулся к клавиатуре записывать показания, как Скролибовский заявил, что убить его надумил посланник, потому что Кривицкий выпустил в мир зло. Зло распространилось очень сильно и скоро поглотит всех, потому что его никто не видит. Но если убить источник зла, то люди прозреют.

Попытавшись получить координаты посланника или хотя бы его приметы, Чернышев услышал только рассуждения на тему: тело небесное – тело земное и прочую заумь, которую прекрасно определяет термин «метафизическая интоксикация».

Больше следователь не узнал ничего существенного, кроме разве того, что люди не видят зла, а он, Скролибовский, видит, поэтому и облечен великой миссией.

В общем, Чернышев с облегчением поставил точку в протоколе и передал убийцу психиатрам.

Поскольку картина преступления нарисовалась сразу, о потерпевшем были собраны только самые общие данные, жизнь Скролибовского изучали немного глубже, но только в рамках предстоящей судебно-психиатрической экспертизы.

Кривицкий сделал честную карьеру. Аспирант – ассистент – профессор – заведующий кафедрой – проректор. Сотрудники отзывались о нем хорошо, никто не мог вспомнить сколько-нибудь значимого конфликта, связанного со служебной деятельностью. В личной жизни тоже все безоблачно: одна жена, две взрослые дочери. Старшая – главный врач родильного дома в Норильске, младшая замужем за подводником и живет в Видяево.

«Похоже, дочки мечтали вырасти и смотаться от родителей, прямо как я, – невесело усмехнулась Лиза, – что ж, им удалось, мне – нет».

Никаких сомнительных сделок Кривицкий не совершал, спорных документов не подписывал и, будучи проректором по науке, не особенно влиял на течение денежного потока.

Может быть, он был ужасным ретроградом и задробил какому-нибудь гению великое открытие? Или присвоил себе? Но даже если так, доказать это нереально. Остается только ждать, что гений объявится сам.

Все в один голос утверждали, что убитого с убийцей ничего не связывало, и действительно, Скролибовский вращался совсем в других кругах.

Мать, повар в школьной столовой, воспитывала его одна,

и все странности поведения «сыночки» списывала на безотцовщину.

Сын учился плохо, на занятиях сидел с отсутствующим видом, несколько раз самовольно покидал класс посреди урока. Друзей не завел, интереса к девочкам не проявлял. Иногда месяцами сидел тихо, а вдруг начинал яростно бороться за правду, ссорился с одноклассниками, спорил с преподавателями, причем ни те ни другие не могли понять, о чем весь этот бранный пыл. Словом, картина достаточно типичная, но местным учителям, в отличие от педагогов Михановича, на парня было глубоко плевать, и в поле зрения школьного психолога Скрипниченко не попадал.

Школу он окончил еле-еле, потом как-то отслужил армию, а по возвращении мать устроила его разнорабочим к себе на кухню, но, вероятнее всего, он там не появлялся.

Скорее всего, мама работала за двоих, отстегивая небольшой процент с зарплаты сына директору столовой, но Чернышев решил не мушкетерить этот скользкий в правовом отношении момент.

Она рано махнула на себя рукой, в сорок пять выглядела на шестьдесят, толстая, с рыжими волосами, испорченными химической завивкой, женщина являла собой такой хрестоматийный образ поварихи, что казалась ненастоящей.

Контакта с ней у Чернышева не получилось, мать была убеждена, что все подстроено «ментами», и обложила следователя таким отборным матом, что он с чистым сердцем

переадресовал ее к врачам-психиатрам, которые к тому времени уже занялись Скролибовским.

В этом месте своего рассказа Чернышев поморщился и признался, что чертова мамаша до сих пор не успокоится и бомбардирует все официальные органы жалобами на произвол полиции в отношении ее обожаемого и, главное, совершенно невиновного сына, и какими бы идиотскими ни были эти заявления, на них все равно приходится отписываться. Насколько Чернышеву было известно, с другого фланга она наступает на врачей, которые посмели выставить диагноз нормальному человеку.

– Мания сутяжничества, что ты хочешь, – вздохнула Лиза с сочувствием, – расстройства психики же передаются по наследству, а не с потолка берутся. А у этого Скролибовского была страничка в социальных сетях где-нибудь?

– Слушай, я не проверял. Сама посуди, когда человек тебе говорит, что он призван уничтожить зло, и квалифицированный врач подтверждает, что таки да, призван, какая тебе разница, зарегистрирован он на «Фейсбуке» или нет? И ты, Лиза, тоже не ведись на это психопатство. Единственное, что реально общее у этих дел, то, что у убийц редкие фамилии. Все остальное – лирика.

Чернышев с сожалением посмотрел на пустую тарелку, где еще совсем недавно лежала аппетитная горка булочек, и от души, с хрустом потянулся:

– Вообще дело было мутное, – сказал он весело, радуясь,

что все осталось позади, — я со всеми этими экспертизами употел, даже боялся сам свихнуться.

— Что так? — вежливо спросила Лиза. Факты она выяснила, теперь настала очередь Чернышева плакаться, как ему тяжело. «Жаль, что у нас в штате нет психотерапевта, — подумала Лиза, — все равно все держать в себе нельзя, после стресса у человека огромная потребность выговориться. Вот и получается, что мы, не имея штатного специалиста, половину рабочего времени друг другу душу изливаем».

— Вот казалось бы, все просто. У парня кукуху сорвало напрочь, посадите его в дурдом и успокойтесь. Так нет же! Сам по себе факт психического заболевания не налагает на человека никаких ограничений.

— Ты только сейчас об этом узнал? Можно быть десять раз шизофреником, но если суд признает тебя вменяемым и дееспособным, ты ничем не отличаешься от нормальных людей, можешь делать все то же, что и они, и ответственность нести наравне с ними. И вменяемость, к слову, не может быть определена вообще, это понятие применимо только к конкретному деянию, поэтому нет смысла рвать на себе рубаху с криками: «Я сейчас тебя убью, и мне ничего не будет, у меня справка есть!» Таких вождельных бумажек с лицензией на уничтожение себе подобных психиатры у нас пока еще не выдают.

— Да не в этом суть. Просто сразу началась такая волоките! У парня острый психоз, который, видите ли, драпирует

истинную картину заболевания.

– Может быть, зашторивает?

– Ну да! В общем, сначала его понадобилось вывести из острого состояния, и только потом мне удалось пропихнуть парня на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. И ты понимаешь, мне через полчаса понятно, что парень с головой не дружит, хоть я и не специалист, а этой банде психиатров все его меддокументы в подлиннике подавай! Без карты из детской поликлиники они не могли сказать никак, псих он или нет! Ужас вообще...

– А его признали невменяемым или процессуально недееспособным? – спросила Лиза.

Поскольку Скролибовский никогда раньше не обращался к психиатрам с жалобами, а, наоборот, как-то умудрился пройти медкомиссию в военкомате, и его поведение было, конечно, настораживающим, но не указывало напрямую на душевную болезнь, медики могли сделать вывод, что в момент убийства парень понимал, что происходит, и контролировал собственные действия, а душевная болезнь наступила позже, спровоцированная психотравмирующей ситуацией.

Фактически это ничего не меняло, и так и так суд назначал принудительное лечение, но в юридическом плане разница значительная. Человек, признанный невменяемым в момент совершения уголовно-наказуемого деяния, освобождается от уголовной ответственности. Но если судебно-психиатрическая экспертиза признает, что Скролибовский убил

Кривицкого будучи здоровым, то и ответить должен как здоровый. Другое дело, что, заболев, он не может быть полноценным участником уголовного процесса, не может адекватно воспринимать происходящее, то есть становится процессуально недееспособным, таким образом, он освобождается от уголовного наказания, а уголовная ответственность сохраняется, и если вдруг бедняге не посчастливится выздороветь до истечения срока давности, то пойдет судиться и досиживать свое с нормальными людьми.

Чернышеву, кажется, все эти тонкости были чужды. Вор должен сидеть в тюрьме, а псих – в психушке! – вот и все его кредо.

Со вздохом он сказал, что Скролибовского признали невменяемым, отправили на принудительное лечение, и слава богу, что он все бумаги оформил как надо, иначе обиженная мать добилась бы пересмотра дела.

Лиза задумчиво нарисовала кошку на прекрасном листе бумаги для принтера. Конечно, это нехорошо с точки зрения служебной дисциплины и экономии лесов, но зато помогает сосредоточиться.

– И все же есть одна странность. Вот смотри, если бы официальной идеологией в нашем обществе был бы клерикализм и мракобесие, и мы в своей работе допускали существование высших сил и их вмешательство в человеческую жизнь, вопросов нет. Ангелы нашептали, что Кривицкий воплощенное зло, и заодно сообщили, кто это такой и где най-

ти. О'кей, им лучше знать, на то они и посланцы небес. Но мы служим, исходя из сугубо материалистических позиций, и считаем, что все эти ангелы и демоны есть продукт деятельности поврежденного мозга. А Скролибовский, даже если полный псих, никак не мог додуматься, что Кривицкий зло, если он его не знал.

Чернышев посмотрел на нее тоскливо.

– Ну смотри. Я могу думать, что банан летает, но для этого мне нужно увидеть банан хоть на картинке.

– Да понял я. Не усложняй. Шел бедняга по своим делам, и тут его перемкнуло.

– Ага, впервые увидел Кривицкого, и озарило: этот человек зло, дай-ка я его грохну, как раз топорик для разделки мяса при себе есть. Еще с утра думал, брать не брать, и взял. Как знал прямо! Согласись, Володя, таскать в сумочке опасную кухонную утварь просто так не станешь. Вспомни, что, если человек позаботился об оружии преступления, это признак заранее обдуманного намерения.

Чернышев кисло улыбнулся и сказал, что все равно это глупости, и нечего вникать в безумную логику. Может быть, Скролибовский этот топорик носил для самообороны или как балласт, чтобы ветром не унесло. А если в городе объявился еще один сумасшедший с похожим почерком, это еще не делает Скролибовского психически здоровым. Невменяемый он, и точка.

Зиганшин позвонил Наташе и в третий раз пригласил ее с детьми к себе.

– Давай, пока лето, пусть воздухом дышат! – воскликнул он с фальшивым воодушевлением и подумал, если она отречется в третий раз, совесть его останется чиста.

– Спасибо, Митя, но нет, – он почувствовал, как сестра улыбнулась в трубку, – я знаю, что мои дети тебя бесят, и, близко зная их, не могу тебя за это винить.

– Потерплю ради их здоровья, – буркнул Мстислав Юрьевич, – помнишь, как папа переживал, чтобы мы свежим воздухом дышали? Твоим тоже полезно. Все-таки целый дядя с домом в деревне, и жалко будет, если эта мощность зря пропадет.

– Они у меня не так чтобы выдрессированы, а если честно, то и совсем невоспитанные. Начнут галдеть, хватать что попало, а я не смогу их приструнить.

– Я смогу.

– Митя, ты не видишь разницы между своими гопниками и озорными детьми.

– А она есть?

– Есть, но я не хочу, чтобы ты постигал ее именно на моих детях.

– Я буду держать себя в руках, – пообещал Зиганшин искренне, – предоставляю только жилье, и все. Никакого права воспитывать твоих детей у меня нет и быть не может.

Наташа засмеялась.

– Ты что?

– Как-то это безнадежно прозвучало, Митя. Быть не может... Жизнь такая, что все может быть. Просто я дорожу нашей дружбой, а если целый месяц проживу у тебя, боюсь, ты потом долго не захочешь меня видеть. Скажешь, на кой черт мне такие родственники, которые разносят мой дом и лишают меня покоя?

– Наташа, клянусь, даже если они раскатят мне дом на бревнышки, в наших отношениях ничего не изменится.

– Это ты сейчас так говоришь.

– Могу подписку дать. Ладно, давай на выходные приезжай, посмотрим, как оно пойдет. Завтра в магазин поедем?

– Ой, нет, завтра не могу! Дежурю сутки.

Зиганшин поморщился. С какой радостью он компенсировал бы Наташе эти несчастные полставки суточных дежурств, но сестра очень ценила свою независимость и говорила, что ей нравится экстренная помощь. Так, мол, она чувствует себя нужной людям. Мстислав Юрьевич этого не понимал. Зачем нужно чувствовать себя нужным? Живи как знаешь, а люди уж пусть сами решают, нужен ты им или нет.

Сегодня я работаю Игнатием. Не врач, не колдун, не шарлатан, просто Игнатий.

Из дома я выхожу в своем обычном облике ханыги. Затертые джинсы, весьма сильно посеченные внизу, кроссовки еще тех благословенных времен, когда советская легкая промышленность неуклюже пыталась перенять передовые до-

стижения западных модельеров, синяя олимпийка и сверху болоньевая курточка. Есть у меня еще шапка-петушок, но если ее надеть, образ получается опереточным, даже карикатурным.

Эпатаж, как говорят в хорошем обществе. А я не хочу никого эпатировать. Наоборот, стремлюсь быть тихим и незаметным алкашом, про которого соседи могут сказать только, что он, слава богу, на лестнице не гадит, соседей снизу не зальет и дом не спалит. Поэтому я надеваю бейсболку как шапку-невидимку.

Захожу в торговый центр. Сегодня я выбрал ближайший к дому, потому что клиент живет недалеко, а вообще превращаюсь в Игнатия в разных местах, чтобы не примелькаться охране.

В центре светло и хорошо пахнет, много стекла с алюминием, на второй этаж ведет эскалатор. Я оглядываю витрины и не могу отделаться от глупого ощущения, что, несмотря на современные интерьеры, броские вывески, красиво оформленные витрины и пафосные названия, ассортимент мало отличается от тех унылых безвкусных вещей, которые висели в магазинах во времена моей юности.

Впрочем, я сюда не шопиться пришел.

Поднимаюсь наверх и сразу поворачиваю в туалет. Там, закрывшись в кабинке, я переодеваюсь в черные джинсы и черную же водолазку. Вера сказала бы, что у меня вид как у приверженца однополый любви, но мне и нужно выглядеть

неопределенным. Зыбким, чтобы собеседник гадал, то ли умный перед ним, то ли дурак, то ли гей, то ли натурал, честный человек, а может быть, проходимец? Надо, чтобы никто ничего не мог сказать наверняка.

Под бейсболкой у меня не сальные патлы, как логично представить, а короткая стрижка, сделанная в хорошем салоне. Выйдя из кабинки, я смотрюсь в зеркало: стройный человек в черном, с густыми русыми волосами, в которых только начинает поблескивать седина. Место моего сегодняшнего перевоплощения выдержано в темных тонах, стены, например, облицованы мелкой плиткой цвета маренго, и эта мрачность, а особенно белые щели между плитками придают мне шикарно-демонический вид.

После того как я снял куртку с рукавами, как у Пьеро, стал виден браслет моих часов. Эту дорогую игрушку я купил не потому, что хотел, а было просто интересно, способна ли мне в принципе новая вещь доставить хоть мимолетную радость. Оказалось, не способна. Помню, я надел часы на руку и почти сразу забыл, что они у меня есть. Когда понадобилось узнать время, по привычке полез в мобильник и только через несколько дней привык смотреть на циферблат. Радости не доставляет, но для бизнеса вещь полезная. Когда клиенты видят мои часы, понимают, что не они одни такие лохи, выкладывающие мне кругленькие суммы, успокаиваются, расслабляются, и вообще у них поднимается настроение.

Запихиваю свой alcoholic-style в большую клеенчатую

сумку и, последний раз полюбовавшись на себя в зеркале туалета, спускаюсь на первый этаж, где оставляю сумку в камере хранения при гипермаркете, и выхожу на парковку. Такси уже ждет.

После того как я освободился, в принципе, со временем мог бы вернуться в профессию. Нашлось бы место, где такой кадровый голод, что взяли бы человека с подмоченной репутацией. Но пока сидел, пока действовало ограничение на медицинскую практику, истек срок моего сертификата. Я потыкался, попытался записаться на цикл платно, готов был оплатить учебу из своего кармана, но по странному совпадению, как только я хотел зачислиться, в группе не оказывалось совершенно свободных мест. Ни единого! Нигде!

Конечно, это не было злым умыслом начальников кафедр, просто они придерживались мудрого правила: не хочешь себе зла, не делай другим добра.

Если я его не стану обучать, мне точно ничего не будет, а если стану, то еще неизвестно. Так на кой? Эта простая человеческая логика была мне близка и понятна, поэтому я не обижался, да и, в общем, на том месте, куда я устроился сразу после освобождения, мне нравилось, и я не хотел его покидать.

После смерти Веры я тоже перестал числить себя среди живых. Сам я, в принципе, не изменился, но люди совершенно перестали меня интересовать. «Я смотрел в эти лица и не мог им простить, за то, что у них нет тебя и они могут

жить», — эту песню я до сих пор не могу спокойно слушать, настолько точно она передает мое душевное состояние.

Только я не смотрел в эти лица. Вообще ни в какие лица.

Нашелся только один человек, который помог мне после освобождения, и ирония состоит в том, что от него я меньше всего мог ожидать чего-то. Мы не были ни друзьями, ни коллегами, всего общего — несколько совместных дежурств.

Однако именно этот доктор с помощью сложной цепочки нашел мне место могильщика. Была в этом своя ирония, тонкая и сложная, как французские духи, но, поскольку кладбище оказалось то самое, где похоронена Вера, я без колебаний согласился.

Наверное, я был не очень хорош к своим коллегам по лопате. При первой же возможности я готов был улизнуть к ее могиле и часами там сидеть, разговаривая с ней или ухаживая за памятником, чтобы все выглядело красиво. Помню, сразу посадил плющ, купленный у бабки возле кладбищенских ворот, не знал тогда, что бабки эти страшные мошенницы. И странное дело, плющ разросся какими-то сказочными темпами, обвинил всю Верину оградку пушистыми изумрудными листьями и забросил свои побеги на соседнюю могилку. А когда я уже выяснил про бабок правду, ничего не прижилось, что бы я ни покупал у них. Приходилось ездить в Ботанический сад за рассадой.

Я чистил дорожки вокруг ее могилки, внимательно читал надписи на соседних обелисках, если там были фотографии,

разглядывал их, пытаюсь представить, какими эти люди были при жизни.

Поодаль располагался необычный памятник: высокая стена из белого мрамора, с укрепленным на ней медным барельефом, изображающим голову человека в летном шлеме, а в подножие монумента будто врезался самолет. Скульптор выполнил самолет из меди, и так хорошо у него получилось, что верилось, будто это действительно настоящий самолет потерял управление и спикировал на могилу летчика.

Каждый день я собирался навести справки об этом человеке и каждый день, придя домой, забывал. Тогда еще не было Интернета, чтобы ввести в строку поиска нужную информацию и, не вставая с дивана, наслаждаться результатами.

В общем, я жил интересами мертвецов, убеждая себя, что Вера просто переселилась в этот кладбищенский мир, что душа ее плутает где-то поблизости, и скоро я к ней присоединюсь.

Впрочем, от работы я не отлынивал и через несколько недель с удивлением обнаружил, что труд могильщика делает из меня просто нереально здорового человека. Перестала болеть спина, исчезла мучившая меня бессонница, коленки больше не хрустели, и я не смог вспомнить, когда у меня последний раз болела голова.

Наверное, могильщики наливаются жизненной силой по тому же принципу, по которому буйно растут цветы в больницах.

На пути от нашей сторожки до Вериной могилы располагался еще один красивый памятник. Тоже из белого мрамора, он представлял собой скульптуру ангела, изваянного в необычной позе. Обычно ангелы изящно, но с известной долей отстраненности склоняются к склепу или могиле, а этот упал лицом вниз, бессильно свесив крылья, как ребенок, уставший делать домашнюю работу, утыкается лицом в книги.

Этот ангел не просто сочувствовал, нет, он был сокрушен утратой.

Я не часто ходил мимо него, предпочитая другую, более короткую дорогу. Но тут наступила весна, снег стал таять, стекая в воды нашей кладбищенской речки, бурые и непрозрачные, как кофе с молоком. В низине земля превратилась в угольно-черную жижу, предательски скрывающую пласты лежалого и очень скользкого снега, поэтому я пошел поверху, думая, что в такое время не встречу ни одного человека.

Действительно, кладбище пустовало. Под голыми мокрыми стволами кладбищенских лип и тополей испарялись последние сугробы, и воздух был пропитан дождем до самого неба.

Она сидела возле ангела, и, еще не заговорив с ней и не увидев глаз, я понял, что здесь нужна моя помощь.

Я подошел, чтобы сказать всего лишь несколько дежурных слов, что она промокнет и простудится, а в результате мы проговорили целый час. Несмотря на то что женщи-

на оказалась молодая и красивая, ухоженная до такой степени, что выглядела собственной очень дорогой копией, я не испытал к ней ни влечения, ни особого сочувствия. Больше всего это походило на состояние, когда после долгого перерыва начинаешь колоть дрова или садишься на велосипед. «А руки помнят!»

Я не спросил, кто лежит под этим ангелом и отчего она так горюет, с самого начала решив не покушаться на ее печаль. Память об ушедших человек должен хранить в своей душе нетронутой.

Думаю, я не смог бы жить, если бы какой-нибудь психотерапевт избавил меня от тоски по Вере.

Мы говорили, пока не продрогли и я не заметил, что губы моей собеседницы дрожат и посинели, а сама она ежится, растеряв половину своего лоска и став от этого гораздо приятнее.

– Мне стало легче, – сказала она удивленно, – будто вы прут какой-то из меня выдернули... Кто вы?

Тут я и назвался Игнатием. Сначала сам удивился, что с языка сорвалось это имя, а потом сообразил, что фамилия погибшего летчика была Игнатьев. Она хотела встретиться еще и попыталась выяснить, где меня можно найти. Я пожал плечами. Мобильного телефона я не завел, потому что не хотел ни с кем общаться, за стационарный не платил по тем же соображениям, и его отключили. Хотел было признаться, что работаю здесь, но в последний момент осекся. Вдруг

ей будет неприятно, что целый час изливала душу перед могильщиком?

Сказал, что сам приеду к ней, когда она назначит.

Как я уже говорил, физический труд пошел мне на пользу, я поднабрал мышечной массы, и «доотсидочные» одежды больше не болтались на мне, как флаг на древке.

Собираясь в гости, я надел костюм, приготовленный для защиты (поскольку с защитой вышел облом, теперь я берег его на свои похороны), рубашку приглушенного салатного цвета и галстук с импрессионистским рисунком. Новых ботинок я не покупал сто лет, но щетка и обувной крем сделали чудеса.

Кажется, я первый раз после освобождения открыл шкаф и с удивлением нашел там прекрасную кожаную куртку. Не сразу удалось вспомнить, что я купил ее за три дня до ареста, и странно было держать в руках такое вещественное свидетельство того, что прежняя жизнь мне не приснилась, а все происходило в реальности и именно со мной, а не с кем-то другим.

Куртка села как влитая, но прежняя жизнь все еще была не впору...

Стоит ли говорить, что я постригся и тщательно выбрил-ся, и теперь из зеркала в прихожей на меня смотрел настоящий английский денди. Для полного сходства я взял зонтик и уже потянулся открыть дверь, как сообразил, что соседи знают меня совсем другим. Отчаявшимся, сломленным че-

ловеком, и мне не нужно, чтобы они начали судачить о том, как я изменился и почему. Люди у нас не любят, когда человек встает на ноги после удара. Пока он лежит в грязи, безвольный и растоптанный, его жалеют и даже помогают. Но стоит только ему подняться, сразу начинают думать, что вообще-то он мало получил. Сейчас они избегают бывшего зека, а что будет дальше? Жизнь моя станет чередой бесплатных консультаций, а если я попробую отказать, то участковый милиционер станет частым гостем в моем доме, потому что каждая отвергнутая бабка сочтет своим долгом ему на меня наступать.

Нет, не нужно, чтобы меня видели нормальным человеком.

Я переменял брюки на джинсы, содрогаясь, прикрыл куртку рабочей ветровкой, а стрижку закрыл кепкой. На всякий случай поднял воротник, чтобы никто не видел моего выбритого подбородка. Ботинки тоже сменил и вышел на улицу, горбясь и потупя взгляд, якобы мне стыдно перед честными людьми.

Тогда торговые центры были еще редкостью, и перевоплотился я в туалете сетевого кафе, заодно и эспрессо выпил. Я ничего не боялся и не нуждался в том, чтобы замести следы, но из какой-то стыдливости, что ли, выбрал заведение, расположенное у соседней станции метро, а не возле моей. Просто не хотелось, чтобы работники каждый день видели мою рожу и думали: «А, это тот бомж, который у нас в туа-

лете перекидывался в приличного человека».

Моя подопечная жила в Московском районе, в огромной квартире, получившейся из объединения всех квартир на этаже. Я вежливо пошатался с ней по интерьерам, восторгался вкусом хозяйки, а потом мы сели в кресла у камина, как Шерлок Холмс и доктор Ватсон, и стали разговаривать.

Женщина была абсолютно здорова, меня даже немного пощипала совесть, а я ей ответил, что это только делает мою работу более трудной. Больного человека можно вылечить, а как убедить здорового не горевать? И совесть благополучно заткнулась, даже не пикнула, когда я клал в карман изящный конверт и принимал новенький мобильный телефон с сим-картой, который она купила специально для того, чтобы быть со мной на связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.